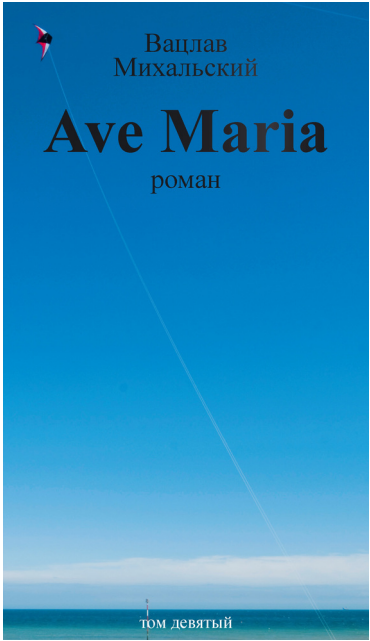

Вацлав Вацлавович Михальский

Собрание сочинений в десяти томах. Том девятый. Ave Maria

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9528849

В. В. Михальский. Собрание сочинений в десяти томах. Том девятый. Ave Maria: Издательство "Согласие"; Москва; 2015

ISBN 978-5-906709-19-6, 978-5-906709-10-3

Аннотация

Роман «Ave Maria» включает цикл романов Вацлава Михальского о судьбах дочерей адмирала Российского Императорского флота Марии и Александры, начатый романом «Весна в Карфагене», за который писатель Указом Президента РФ от 5 июня 2003 года был удостоен Государственной премии России.

Место действия цикла романов («Весна в Карфагене», «Одинокому везде пустыня», «Для радости нужны двое», «Храм Согласия», «Прощеное воскресенье», «Ave Maria») – Россия, СССР, Тунис, Франция, Чехия, Португалия.

Время действия – XX век.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вацлав Михальский
Собрание сочинений в десяти
томах. Том девятый. Ave Maria

© Михальский В. В.

* * *

Часть первая

*Привыкла верблюжья душа.
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.*

Арсений Тарковский.

I

После прилета из Ашхабада в Москву Александра трое суток не показывалась на глаза ни маме, ни Ванечке-генералу. Все это время, с краткими перерывами на сон, она провела у постели Адама в хирургическом отделении медицинского института, благо она была тут своя для всех. На четвертые сутки стало окончательно ясно, что с Адамом все в порядке, что он акклиматизировался и пошел на поправку. Его осмотрел сам Папиков и нарочито строго сказал Александре:

– Хватит дурака валять. Ходи, как положено, на кафедру, а сюда забегай. А вы, майор, – обратился он к Адаму, – можете вставать потихоньку. Выздоровливайте. Я на вас рассчитываю. – Папиков вышел из палаты, а Адам недоуменно спросил у Александры:

– Что значит, он на меня рассчитывает?

– Хочет, чтобы ты работал его ассистентом, – счастливо улыбаясь, шепнула ему на ухо Александра.

– Этого не может быть, он ведь знает...

– Поэтому и хочет взять тебя к себе, что знает – не подведешь, – переиначила понятный ей подтекст его слов Александра. – Так я пойду? – Она нагнулась и поцеловала его в небрирую щеку. – Бороду отрастил как дед, бриться пора. Завтра я тебе принесу все необходимое. Я пойду, а то еще дома не была, – неожиданно для самой себя добавила Александра и осеклась, подумав, что под словами «дома не была» она имеет в виду не только маму, но и Ивана.

– До свиданья, – сказал Адам и отвернулся к свежевыбеленной стене палаты. Порядок в отделении был образцовый, не похожий на обычные городские больницы. Этот порядок завел еще Бурденко, и с тех пор его свято поддерживали. Новость о желании Папикова сделать его своим ассистентом была для Адама ошеломляющей. Он понимал, что его привезли в Москву вынужденно, что по выздоровлении надо будет как-то выкручиваться, но чтобы ему выпало работать в Москве, да еще с самим Папиковым, о котором он был наслышан еще в студенческие лета?! Нет. Нет и нет. Такое никак не укладывалось у него в голове. Странно сказать, но его страшило будущее выздоровление. И в Ашхабаде, и здесь, в Москве, он всегда был радостен и счастлив с Александрой. Но также радостен и счастлив был он и с Ксенией в том степном поселке, где она его выходила. Он и в неволе каждый день думал о Ксении с любовью, о детях, которые остались без отца... Ксения спасла ему жизнь, и Александра спасла ему жизнь. Он законный муж Александры, которая носит его фамилию. Он и законный муж Ксении Половинкиной, бывший еще недавно сам Половинкиным. Действительно, Половинкин... Более подходящую для него фамилию и нарочно не придумаешь: раздвоилась его жизнь напополам, на две равные доли. Хотя не совсем равные, есть ведь еще его и Ксенины дети, им ведь тоже должна быть доля. Хорошо, что Александра знает о Ксении и детях, хорошо, что они с Ксенией знакомы. Но, как ни крути, а решать придется. Они ведь

должны поверить, что дороги ему обе? Должны или не должны? Ну, поверят, и что? Обе будут его женами одновременно? Не получится. И никто ведь не виноват: ни он, ни Александра, ни Ксения. Виноват не виноват, но страдать придется всем...

Адам думал о том, как связаться с Ксенией, как объявить ей о своем положении. Как она к этому отнесется? Он представлял себе мысленно поселок с его кособокими домишками, видел, словно воочию, аляповатый коврик с белым лебедем, который столько дней смотрел на него в упор своим единственным синим глазом в те времена, когда он, Адам, был лежащий. Вспоминал он и длинную белую стену из белого силикатного кирпича, отгораживающую комбикормовый завод от всего остального мира, вспоминал и кабинет Семечкина с его старинной мебелью, и медпункт, из которого его взяли. Много мелькало перед глазами, даже отец и сын Горюновы, забивающие осиновый кол промеж ног Вити-фельдшера. Чего только ни вспомнил, чего только ни вообразил, а вот представить подросшими собственных детей, Александру и Адама, так и не смог. А очень хотелось.

Дежурная медсестра принесла градусники измерять вечернюю температуру, и на этом размышления Адама невольно прервались.

Температура у Адама была нормальная.

Тем временем Александра как раз подходила к «дворницкой». Мама вышла навстречу ей с полным ведром помоев.

– Заходи, доню, – нарочито громко сказала ей мама и прошла мимо нее в темную глубину двора к мусорке.

За время отсутствия Александры в «дворницкой» ничего не изменилось. Было уютно, как всегда, и очень тепло. Десять дней назад дали паровое отопление, кочегарка за стеной заработала на полную мощь. Александра с удовольствием бросила в угол подобие вешмешка со своими пожитками, сняла легкую куртку и прошла к толстой бежевой трубе парового отопления погреться. На улице было не слишком холодно, но противно, зябко, дул ветер, срывался дождь.

Вернулась со двора мама, поставила пустое ведро под рукомойник и спросила:

– Давно в Москве?

– Откуда ты знаешь, мамочка?

– Надя сказала. А ей кто-то еще сказал из тех, кто бывает у вас в институте.

– Надя все знает, сексотка¹, – с сарказмом заметила Александра. – Двадцатого мы прилетели в Москву из Ашхабада.

– Из Ашхабада?

– Да. Там было землетрясение.

– Слышала. У нас передавали: «есть жертвы».

– Только жертвы и есть, а больше там почти никого не осталось.

– Так серьезно?

– Страшно, ма. Десятки тысяч погибших.

– А по радио ничего не говорили особенного. «Есть жертвы, есть разрушения». Только и всего. Наверное, они думают, что землетрясения противоречат советской власти.

– Наверное. Ты меня кормить собираешься?

– Прости, ради бога! – засмеялась мама. – Я тебя увидела, так обрадовалась, что о тебе самой забыла. Котлеты у меня есть, вермишель сейчас отварю. Ты все эти дни была в институте?

– Да, с Адамом.

– С кем? – едва слышно переспросила Анна Карповна.

¹ Сексот – секретный сотрудник НКВД. Удивительно, но даже и в те суровые времена это слово употреблялось в народе исключительно в негативном смысле. Сексот – наушник, стукач, доносчик, осведомитель.

– С моим и Ксениным мужем Адамом Домбровским.

Пауза была долгой.

– Ма, я сама поставлю вермишель. Ты присядь, не волнуйся, все хорошо.

Анна Карповна послушно присела на табуретку и молча наблюдала за тем, как ее младшая дочь разжигает керосинку и ставит на огонь воду в кастрюльке.

– Ма, а где вермишель?

– Где всегда, в буфете.

Буфетом они называли некое его подобие, сколоченное из крашенной коричневой краской фанеры поверх остова из досок. Сооружение местного дворового умельца было хотя и неказисто на вид, но очень удобно тем, что в нем было много ящичков.

За ужином и чаем с душицей Александра рассказала матери все в подробностях. Почти все, не касаясь, естественно, интимных отношений с Адамом. Касаться они их не касались, но подразумевались они само собой.

– Ты ведь его любишь, – вздохнув, сказала мать.

– Люблю, – просто отвечала Александра, – и, наверное, буду всегда любить.

– Ты еще не была дома?

– Я дома, – с некоторым вызовом в голосе отвечала Александра.

– Не передергивай, – миролюбиво проговорила мама, – я имею в виду Ванечку.

– Нет, еще не была.

– Понятно. Господи, и как жизнь умеет закрутить, нарочно не придумаешь.

– Ма, я сегодня останусь здесь... Можно?

– Не надо бы, доченька, переломи себя.

– Ма, не могу. У меня нет сил на вранье, а еще меньше сил на правду.

– Оставайся. Как будет, так будет.

– Спасибо, – Александра поцеловала мать в седой висок. – Спасибо, мама, ты у меня все понимаешь. Я вот выплюсь, соберусь с силами, – добавила она уверенно и подняла над головой сжатый кулак, – и буду врать круглосуточно!

– Бедная моя девочка, – засмеялась мама и погладила Александру по щеке, как маленькую. – Соберешься, я не сомневаюсь. Вкусный чай с Ксениной душицей... Позавчера она приходила в гости... Очень о тебе беспокоится...

– А Ксении я, наверное, скажу правду, почти всю правду, и отведу ее в клинику к Адаму. Ты как думаешь, ма?

– Я тоже так думаю. Она ведь ни в чем не виновата, а тем более ее маленькие. Такая жизнь у нас крученная. Испокон веков все у нас против людей – и вчера, и сегодня, и наверняка завтра так будет. Такая мы заколдованная страна, такой народ: каждый в отдельности и умница, и герой, и умелец, и совсем незлой человек, а вместе все мы толпа. Да, толпа, которую могут взять в оборот и унижить сверх всякого предела урки и недоучки, выскочки, все таланты которых только в наглости хода и полной беспринципности.

– На войне было проще, – сказала Александра.

– Когда допекут, воевать мы умеем, что правда, Саша, то правда. Но почему не умеем жить в мире? Почему за тысячу лет нашего государства не научились беречь людей? Почему мы не обучаемы?

Александра не знала, что сказать маме, и они обе долго слушали, как бьют об окошко в потолке невидимые струи дождя.

– Ма, всего семь часов, а уже темно, и так половина года...

– Половина жизни в потемках и в холоде – это правда.

– Я бы сейчас водки выпила. У нас есть?

– Есть. Давай выпьем. – Мать прошла к буфету, достала из известного ей укромного местечка чекушку водки, или, как ее любовно называли в народе, «маленькую». – У меня

для этого случая и сало есть, и соленые огурцы, и лук, и хлеб. Гулять так гулять! – весело добавила мама. – Чего-чего, а водку мы с тобой, кажется, никогда в жизни не пили!

– Точно, еще не пили! Пора начинать, – засмеялась Александра, и на душе у нее стало так радостно, так спокойно... За мамой, действительно, как за каменной стеной. А немножко водки она всегда держит в доме в лечебных целях – для компрессов, для растирок. Вот они сейчас и полечатся.

В четыре руки они мигом накрыли на стол.

– На правах младшей я буду виночерпием, – сказала Александра, вспомнив похожие слова Папикова, обращенные им к Адаму в палаточном городке под Ашхабадом.

– Сейчас выпьем и как запоем, – смеясь, сказала мама, – давно мы с тобой не пели!

Веселое мамино настроение тут же передалось Александре, ей даже спать расхотелось. Она сбила сургуч с горлышка бутылки, вынула штопором пробку – в те времена еще были пробки, еще не придумали запечатывать водку алюминиевой фольгой.

– Так, ну я наливаю на мизинец, – Александра налила по чуть-чуть водки в стаканы.

Они только собрались поднять бокалы, как в дверь негромко постучали.

– Господи, кого это принесло? – в сердцах пробормотала Александра, вставая из-за стола.

– Не спеши, – приостановила ее Анна Карповна, проворно заткнула пробкой бутылку и поставила ее под стол, стаканы с налитой водкой отодвинула в дальний угол стола и накрыла чистым полотенчиком, которое они имели в виду употребить в виде салфетки одной на двоих.

– Так я откину крючок? – шепотом спросила Александра.

Мать кивнула в знак согласия.

Александра пошла открыть входную дверь.

– Ой, вернулась! – прямо с порога бросилась ей на шею Ксения и заплакала у нее на груди.

– Входите, дети, входите, не напускайте холода, – радостно сказала Анна Карповна.

– Все, Ксения, все, – успокаивала гостью Александра, – садись к столу, как говорят алкаши, третьей будешь, – добавила она с нервным смешком.

– Так, Саша, клади Ксении огурчики, сало, картошку, – сказала Анна Карповна, доставая из-под стола чекушку водки. – И третий стакан-бокал подай гостье.

– Ой, а я никогда в жизни не пила водку, – смущенно проговорила Ксения.

– Иногда можно, – сказала Анна Карповна, – и повод есть, и погода располагает.

Александра налила в стакан Ксении водки и сказала:

– Ты как выпьешь, сразу воздух выдохни и хлебом занюхай.

– Ладно, – браво согласилась Ксения.

– Давайте, девочки, – Анна Карповна сделала паузу, – давайте выпьем за главное: веру, надежду, любовь, взаимопонимание... а все остальное приложится и образуется. Давайте!

Они звучно сдвинули стаканы.

Ксения смело выпила водку и в тот же миг стала пунцовая, а на глазах ее выступили слезы.

– Хлебушком занюхай, хлебушком! – настаивала Александра. – И салом закуси с огурчиком.

– Ой, ма, какие у тебя вкусные огурчики! Такие соленьюкие, прелесть! Мне со вчерашнего дня их хотелось или с позавчерашнего... Так хотелось, что прямо во рту у меня стоял вкус соленых огурчиков.

Анна Карповна переменилась в лице и внимательно посмотрела на дочь долгим изучающим взглядом.

Все трое закусывали в охотку и раскраснелись, разругались, даже Анна Карповна.

– Давайте сразу по второй, – предложила Александра, которой хотелось набраться смелости.

– Куда спешить? – улыбнулась Анна Карповна.

Пауза затянулась. Ксения напряженно молчала. Она почувствовала в поведении Александры что-то странное.

– Да, – словно прочитав ее сомнения, сказала Александра, – я привезла его из Ашхабада.

Зрачки Ксении расширились. Она поняла все правильно.

– Он здоров? – наконец вымолвила Ксения.

– Выздоровливает. Он был ранен мародерами. Там мы сделали операцию. Двадцатого прилетели в Москву. Кроме Адама, привезли еще троих раненых. С сегодняшнего дня ему разрешено вставать с постели. Лечение еще недели на три. Через два-три дня, когда он окрепнет, я отведу тебя к нему.

– И меня пустят? – недоверчиво спросила Ксения.

– Пустят. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но он больше не заключенный. Он свободный гражданин, капитан медицинской службы в отставке Адам Домбровский.

– Он Половинкин.

– Нет. Запомни, Половинкин погиб в Ашхабадском землетрясении. Половинкина больше нет, есть Домбровский.

– А в поселок ему нельзя возвращаться? – робко спросила Ксения.

– Нельзя. Он будет жить и работать в Москве. Молчавшая до сих пор Анна Карповна вставила реплику:

– Ты не пугайся, Ксения, даст бог, все уладится.

– Я не за себя, я за него...

– Вижу, что не за себя, – сказала Анна Карповна, – и за него, и за ваших деток ты не волнуешься, все утрясется.

– Спасибо, – все с той же робостью в голосе сказала Ксения, и в это время в дверь громко постучали.

– Входите! – крикнула Александра, забывшая накинуть крючок.

В дверь постучали еще громче.

– Открыто, чего ломитесь?! – вспыхнула Александра. – Входите!

Наконец дверь приоткрылась, и в нее просунулось нечто громоздкое и не сразу понятное, что это человек в мокрой плащ-палатке.

– Дверь за собой притягивайте! – крикнула, вставая из-за стола, Александра, готовая едва ли не к рукопашному бою.

Вошедший сбросил с головы мокрый капюшон, и перед ними оказался рыжий-рыжий растерянный паренек лет девятнадцати.

– Товарищ генерал, я новый вестовой, товарищ генерал на сутки дежурить заступили в штабу, меня узнали послать, приехали ихняя жена? – путаясь от волнения, скороговоркой выпалил вестовой.

– Приехали, – неожиданно подбоченясь, отвечала Александра, – так и передай генералу: ихняя жена приехали!

– Есть! – козырнул солдатик.

– К пустой голове руку не прикладывают, – отметив, что вестовой без головного убора, употребила старую армейскую шутку Александра. – Вопросы есть?

– Никак нет. Разрешите идти?

– Идите.

– Стой, деточка, стой! – Анна Карповна проворно сделала три бутерброда с черным хлебом, салом и солеными огурцами дольками. – На, деточка, – подала она бутерброды солдату.

– Не надо. Нас кормят.

– Бери, бери, – командным тоном распорядилась Александра, и вестовой взял бутерброды.

– Спасибо! – громко поблагодарил он, выходя за дверь под дождик.

– Как говорят на флоте, рыжий – к удаче! – весело сказала Анна Карповна. – А ты, генеральша, смотри как раскомандовалась. А ну-ка наливай, Саша!

Александра налила всем по второй порции водки.

– Давайте за Адама, – сказала она просто.

Чокнулись. Выпили.

– Ты хлебушком занюхивай, хлебушком, – как и в первый раз, настоятельно советовала Ксении Александра. – Вот. А теперь сала, огурчика. Не зря говорят: первая рюмка колом, а вторая соколом. Ну что, нормально, Ксень?

– Нормально, – отвечала Ксения, все еще соображающая насчет «генеральши» и, поэтому даже водку выпившая почти как воду, не придавая ей никакого значения.

– А насчет жены генерала, Ксень, ты не ломай голову. Это я генеральская жена, а муж у меня Ванечка-генерал. Мы даже официально зарегистрированы.

– Настоящий генерал? – растерянno спросила Ксения.

– Натуральный.

– Я их только в кино видела, а так нет, – оторопело проговорила Ксения.

– Увидишь. Я тебя познакомлю.

И в эту минуту Ксения поверила, и ее юное лицо преобразилось. До этого оно было хорошеньким, а теперь стало прекрасным. Его словно осветили загоревшиеся глаза, глаза, наполненные торжествующим светом любви. Впервые в жизни Александра увидела вдруг очастливленного ею человека.

Вот так рыжий солдатик, сам того не ведая, расставил все по местам. Александра, конечно, могла и раньше сказать Ксении о Ванечке, да не было у нее на это сил, не хватало решимости. До Ашхабада она еще надеялась, сама не зная на что, и скрыла Ванечку-генерала от Ксении, тем более что сделать это было совсем не трудно. Да, до Ашхабада она на что-то смутно надеялась, и оказалось, что не зря: ведь там она не только встретила Адама, но и привезла его в Москву.

– По третьей? – обреченно спросила Ксению Александра.

– По третьей, – мгновенно уловив слом в настроении Александры, сказала Ксения, и тут же торопливо добавила: – Можно я тост скажу?

– Конечно, скажи, обязательно скажи, – подбодрила ее Анна Карповна. – Мы тебя слушаем!

– У меня есть мама, есть бабушка, есть Александра и Адам, я очень богатая, а теперь ты, Саша, делаешь для меня то, что делаешь. Вы теперь моя самая родная родня! – не видя от застывших глаза слез поднятых хозяйками дома стаканов, Ксения все-таки нашла их и чокнулась.

Она выпила водку одним махом, но не совсем удачно. Какая-то капелька попала ей не в то горло, Ксения закашлялась, а Александра стала не сильно бить ее кулаком по спине, приговаривая:

– Ты хлебушком, хлебушком занюхай!

Ксения, наконец, справилась с кашлем, занюхала хлебом, тыльной стороной ладони вытерла слезы.

– А я, девчонки, пья-на-я, – засмеялась Анна Карповна. – Водка кончилась, давайте песни петь.

– Давайте, – неуверенно поддержала ее Ксения, – только у меня голос слабый, а слова я почти всех песен знаю.

– Ничего, что голос слабый, ты подхватывай и распоешься, – ободрила ее Александра. – Что будем петь, ма? Русские? Украинские? – чуть помолчав, спросила Александра. Ей было удивительно, что мать в присутствии чужого человека говорит по-русски. «Видно, что-то стронулось в ее душе, надоело прятаться, – с горечью подумала о матери Александра, – хотя Ксения теперь нам не чужая».

Медленно-медленно, как будто снимая многолетнюю усталость, Анна Карповна провела сухими ладонями по своему лицу.

И Александра, и Ксения испуганно насторожились, решив, что у нее закружилась голова.

А Анна Карповна вдруг подняла над головой руки, звучно щелкнула пальцами, как костаньетами, метнула прямо перед собой непередаваемо молодой, светоносный, дерзкий взгляд и запела:

– *L'amour est un oiseau rebelle*².

За стеной в кочегарке перестали греметь лопатами. Видимо, кочегарам тоже захотелось послушать, как поет радио «Хабанеру» из оперы «Кармен». А дождь, казалось, в такт лупил по стеклу в потолке, будто сопровождая голос Анны Карповны, и в ее шестьдесят с лишним лет довольно чистый и молодой. Первую строчку Анна Карповна спела по-французски, а все остальное по-русски. А когда ария закончилась и Анна Карповна смолкла, дождь за окном тоже взял волшебную паузу. И за стеной, примыкающей к кочегарке, было тихо-тихо.

– А я тоже в школе французский учила, – наконец едва слышно вымолвила Ксения.

Потом они пели хором русские и украинские песни, но недолго, и стали готовиться ко сну. Ксению было решено оставить ночевать. Она этому не противилась.

Удобств в «дворницкой» не было, а общественный туалет стоял в темной глубине двора, метрах в пятидесяти. Спасибо, у Александры остался подаренный ей Иракием Соломоновичем фонарик-«жучок», с ним было веселей скакать под дождем по лужам.

– Мы с тобой в туалет сбегали, как в контратаку. А сколько хлорки! Жуть! Меня прямо тошнит по-настоящему, – на обратном пути сказала Александра.

– От хлорки тошнит – это точно. Меня, правда, нет. От хлорки, – подтвердила Ксения, приплясывая под дождем.

«А вдруг не от хлорки?! – открывая перед гостьей дверь “дворницкой”, подумала Александра, – а вдруг?..» И тут ей вспомнился недавний мамин изучающий взгляд, когда она заговорила за столом о соленых огурчиках.

II

На людях они говорили между собой по-французски, а один на один, конечно, по-русски. Погода стояла дивная: днем было 22–23 градуса тепла по Цельсию, а ночью 15–17, было безветренно, светило теплое солнышко, а к вечеру опадал легкий колеблющийся туман. Казалось, он и опадал только для того, чтобы украсить вид на почти облетевший сад со старыми корявыми яблонями и абрикосовыми деревьями. Вид этот открывался из распахнутого

² У любви, как у пташки крылья (*фр.*). Самую «испанскую» оперу «Кармен», как известно, написал французский композитор Жорж Бизе по мотивам одноименной новеллы французского писателя Проспера Мериме. И либретто оперы изначально написано по-французски. И премьера ее состоялась 3 марта 1875 года в Париже. Опера провалилась, музыкальные критики были единодушны в своем мнении: «Музыка бесцветна, невыразительна, и в ней нет романтики». Через три месяца тридцатилетний композитор умер с горя.

настежь окна их огромного номера, как сказала хозяйка «королевского». И вся мебель была в номере потемневшая от времени, основательная, а кровать из мореного дуба с резными спинками была просто-таки циклопическая – в случае необходимости на ней без особой тесноты могло бы улечься человек двенадцать.

Мария и Павел оказались единственными постояльцами гостиницы. Когда они ее разыскали, на окованных железом дверях двухэтажного каменного здания стародавней постройки висел огромный амбарный замок. Роскошный лимузин Марии произвел настолько сильное впечатление на владельца соседнего ресторанчика, что он тут же послал мальчишек разыскать хозяйку гостиницы. В ответ на его любезность Мария немедленно заказала ягненка на вертеле и «хорошее красное вино, а лучше очень хорошее».

– Из дорогих? – вкрадчиво спросил ресторатор.

– Из лучших, – дипломатично ответила Мария, давая тем самым понять: она-то знает, что самое дорогое вино не всегда самое лучшее.

– Я вас понял, мадам, разрешите мне действовать на свой вкус?

– Действуйте.

– А как мне представить вас хозяйке гостиницы?

– Граф и графиня Мерзловские, – отвечала Мария, и при этом взглянула на Павла с таким восхитительным лукавством, что он принял ее розыгрыш безоговорочно.

Дородная немолодая хозяйка гостиницы была несказанно рада гостям. Она ловко открыла амбарный замок, распахнула обе створки тяжелой двери и сказала не без апломба:

– Одна из самых знаменитых гостиниц Франции. В ней останавливался однажды Людовик тринадцатый. К вашим услугам!

Удивительно, но в гостинице не было обычных противных запахов, не было ни плесени, ни затхлости, стоял лишь запах сухого дерева, и Мария различила еще один. Неужели полынь? Да, по углам висели огромные пучки недавно срезанной полыни.

– От нечистой силы, Ваше Высокопревосходительство, – перехватив взгляд Марии, пояснила хозяйка.

– Понятно, – сказала Мария. У них в Николаеве ее няня баба Клава тоже вешала по углам свежесрезанную полынь. – И что, помогает?

– Очень помогает, Ваше Высокопревосходительство, – уверенно тряхнув всеми своими тремя розовыми подбородками, подтвердила хозяйка. – Поживете – сами убедитесь.

– Дай бог, – с улыбкой сказала Мария, – моя нянюшка тоже развешивала полынь в родительском доме.

По общему ощущению было понятно, что помещение часто проветривается и прибирается ежедневно как жилое. Это сразу понравилось Марии. Едва она вошла в здание, ей стало так хорошо, как будто она вступила в мир своего долгожданного счастья.

В первый день они, конечно же, съели вкуснейшего ягненка на вертеле и изрядно выпили очень хорошего и вполне недорогого красного вина. А весь второй день приходили в себя после столь обильной трапезы. До трех часов дня провалились в постели, похожей на маленькое футбольное поле, потом искупались. В их распоряжении были две ваннные комнаты, облицованные розовым и голубоватым мрамором соответственно.

– Так, мальчики в голубую, девочки в розовую, – дурашливо распорядилась Мария. – Обкупнемся, и гулять! А то города так и не увидим, проспим все на свете!

При ближайшем рассмотрении городок оказался весьма затейливым. Двух – или трехэтажные дома внизу были гораздо меньше, чем сверху, как пробка из-под шампанского. Словоохотливые горожане объяснили, что дома устроены таким образом потому, что в XVII–XVIII веках налог на недвижимость исчислялся по площади застройки на земле. Верхние этажи поэтому нависали над нижними. И если улочка была внизу довольно широкая, вполне

проезжая, то вверху она становилась все уже и уже. Был в городке даже переулок, который назывался Кошачий. Это потому, что крыши противоположных домов подходили друг к другу так близко, что кошки свободно разгуливали по ним почти на всей территории города, так и прыгали с одной стороны улицы на другую. Сами крыши домов тоже заслуживали отдельного внимания: они были покрыты черепицей из каштанового дерева, которое не гниет под дождем, а только крепнет. Каштановые крыши домов слегка золотились под солнцем, и это было очень красиво.

Наконец, они вышли на центральную площадь к средневековому каменному зданию мэрии, на фронтоне которого были выбиты в камне слова: *Unité Indivisibilité de la République – Liberté, égalité, fraternité, ou la mort.* – Единство, неделимость Республики – Свобода, Равенство, Братство или – смерть, – перевела Павлу на русский Мария, хотя он и сам свободно говорил по-французски, но читал недостаточно бегло. Сказывалось отсутствие необходимости читать по-французски в США.

– Это лозунг первой французской революции, – с горделивым апломбом пояснил как раз вышедший из мэрии пожилой служащий в строгом черном костюме и черных сатиновых нарукавниках, выдававших в нем человека много пишущего и бережливого. – Только у нас остался этот первоначальный подлинный лозунг. На всю Францию, наверное, только у нас! – Как и все в Труа, служащий мэрии был приветлив с гостями и горд своим маленьким городом.

– Спасибо, – поклонилась ему Мария, – вы очень любите свой город и очень любезны, мсье!

– Пожалуйста. Я думал, вы иностранцы, – услышав исключительно чистый парижский выговор Марии, несколько разочарованно сказал клерк и шмыгнул назад в широко раскрытые двери своего присутствия тереть нарукавниками о стол, не причиняя вреда пиджаку.

– Смотри, как его жизнь отредактировала, – сказал о лозунге Павел, – остались в памяти только: «Свобода, Равенство, Братство», а все лишние словеса растаяли как дым. Кстати, о дыме, что-то дымком пахнет, принимайся.

– Я давно чую. Это по дворам палую листву жгут, по огородам ботву. Я обожаю этот запах.

– Мне тоже нравится. А наша хозяйка что-то не жжет в саду.

– Боится, мы не одобрим.

Вернувшись после прогулки в гостиницу, они встретили там хозяйку. Она руководила двумя хорошенькими девушками, убиравшими в номере.

– У нас работы еще на полчаса, – сказала хозяйка, – хотите, спустимся вниз, и я угощу вас настоящим кофе Ришелье.

– С удовольствием, – согласилась Мария, – я такой никогда не пила.

– Еще бы, это только у нас, – горделиво сказала хозяйка.

– А почему Ришелье? – спросил Павел.

– О, мсье, дело в том, что, во-первых, черный кофе надо пить без сахара, а, главное, лимонные дольки не надо класть в кофе, как это обычно делается, надо пить с ними вприкуску. Так, говорят, делал кардинал Ришелье, когда он останавливался в нашем доме. А жил, говорят, как и Людовик тринадцатый, как раз в том номере, где живете теперь вы. Наверное, они приезжали на охоту. В старые времена у нас здесь была отличная псовая охота и на зверя, и на птицу.

Марии кофе понравился.

– Очень вкусно, – похвалила она, закусив глоток ароматного кофе краешком лимонной дольки. – Кардинал Ришелье знал толк не только в интригах. – И часто он бывал в Труа?

– Наверное, один раз, а может быть, два, – отвечала хозяйка. – Но ведь у нас помнят об этом уже больше трехсот лет³.

– Да, мне тоже нравится, – сказал Павел, – очень бодрит. И еще у вас такие удивительные крыши и такие оригинальные дома, и здание мэрии такое солидное. А молодые работницы, что прибирают в номере, мне показалось, близняшки?

– Близняшки, – расплылась в счастливой улыбке хозяйка, – это не работницы, а мои дочери. Но я без мужа и держу их строго, – она подняла крепко сжатый кулак, – они у меня во всем помощницы.

– Прелестные девочки, – сказала Мария очень искренне, – а трудиться им надо смолоду – это вы молодец. Простите, ради бога, как ваше имя?

– Мари, – ответила хозяйка с достоинством.

– О-о, так мы с вами тезки! Очень приятно.

– Я тоже обрадовалась, когда узнала, как вас зовут. – По всему было видно, что хозяйка счастлива поговорить со знатными и богатыми гостями, но при этом она не теряла чувства собственного достоинства ни на йоту. – Хотите, мы вечером затопим камин? Яблоневыми сучьями и ветками. Хотите?

– Пожалуй, – согласилась Мария, – я дома тоже люблю топить камин фруктовыми сучьями – это очень вкусно! Такой дымок! У нас с вами общие вкусы, Мари, – с улыбкой взглянула она на хозяйку. Пожалуй, первый раз взглянула на нее в упор и рассмотрела внимательно. Помимо замеченных ею сразу же трех розовых подбородков, у хозяйки были яркие карие глаза, полные, красиво очерченные губы, небольшой нос правильной формы, выпуклый лоб мадонны, – в общем, очень женственное лицо и наверняка красивое в молодые годы, когда еще не было этих трех подбородков, не было и общей тучности в фигуре, сделавшейся с годами коренастой, крепко стоящей на земле.

– А девочки очень похожи на вас, такие же красивые, только совсем тростиночки, – сказала Мария.

– Да, и я была в их годы худышка, – как должное принимая комплимент о своей красоте, сказала Мари. – Ничего, все нарастет, за этим дело не станет. Так растопить вечером камин?

– Пожалуй, – согласилась Мария, – но тогда и ужин велите подать в номер.

– Хорошо, мадам, я пришлю к вам хозяина ресторана, Эмиль примет заказ. Он остался вами очень доволен. Кстати, это мой младший брат.

– Спасибо за гостеприимство, мадам Мари, – сказал, поднимаясь, Павел, – я выйду на улицу.

– Хорошо, а мы еще поболтаем, пока девочки не прибрались, – сказала Мария.

– Мне так приятно с вами, – сказала Марии хозяйка гостиницы, – как будто родню встретила. Вы графиня, а такая простая. У вас такой импозантный муж, наверное, и дети очень красивые.

– У меня нет детей.

– Да вы что?! Детей надо, вам еще не поздно. Вам ведь и сорока нет?

– Что-то в этом роде, – смешавшись, отвечала Мария.

– Ой, что я вам скажу, – переходя на шепот, склонилась к гостье хозяйка, – даже не соображу, как начать... Короче... нет, боюсь, вы неправильно поймете.

– Говорите, я пойму все правильно.

– Все дело в кровати, мадам Мари... Понимаете, вот вы завтра уедете, а у нас как раз время свадеб, и у меня запись. На полтора месяца все расписано. Мы осенью каждые сутки

³ Людовик XIII (1601–1643) правил Францией с 1610 по 1643 год. Хотя правильнее будет сказать, правили его фавориты: сперва дядя Альберт, а после его смерти в 1621 году – знаменитый кардинал Ришелье, прадед того самого Ришелье, которому поставлен памятник в Одессе.

сдаем ваш номер под первую брачную ночь. У нас знаменитая кровать, не зря она такая огромная. А главное – счастливая! Столько деток родилось, и пересчитать нельзя.

– Так мы задерживаем свадьбы? Нам лучше съехать? – огорченно спросила Мария.

– Нет-нет, что вы, Ваше Превосходительство! Молодые подождут, живите, сколько хотите.

– По рукам! – засмеялась Мария.

– По рукам! – подтвердила Мари, и они звонко хлопнули ладонь о ладонь, как заговорщики.

– К вечеру разжигайте камин, а к вашему брату ресторатору мы сейчас пройдемся сами, закажем хороший ужин.

– Я обещаю со свечами, – сказала Мари вслед уходящей Марии.

Ужин при свечах удался на славу. Яблоневые сучья и ветки в огромном камине горели ровно и источали тонкий аромат древесного дыма. А за открытым настежь окном номера стоял еще живой яблоневый и абрикосовый сад, слегка подернутый синеватым туманом.

– А ты любишь хорошие стихи? – встав с кресла у камина, Мария подошла к раскрытому окну.

– Возможно. Но вообще-то я по технике...

– О счастье мы всегда лишь вспоминаем,
А счастье всюду, может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно, —

продекламировала Мария.

– Красиво. И похоже на правду. Кто написал?

– Бунин. Он живет где-то на Юге Франции.

– Много приличных людей уехало из России, – Павел вздохнул, – много. Хотя, когда у французов была их Великая революция, они ведь бежали спасаться к нам. И не просто спаслись, а послужили России верой и правдой. Взять хотя бы праправнука того же кардинала Ришелье. Этот Ришелье-младший и во взятии Измаила участвовал, и градоначальником Одессы был, ему даже там памятник есть от благодарных жителей. Он ведь и генерал-губернатором Новороссийского края был. А потом, после победы над Бонапартом, дважды возглавлял кабинет министров Франции. Так что толковый у кардинала был праправнук и, говорят, при этом еще и бессребреник. Такие бывают на свете чудеса: при должностях, при монарших милостях, вору, сколько унесешь, а он бессребреник. Бриллианты из русских орденов выковыривал и продавал, чтобы кормиться в отставке.

Они не стали рисковать и заказали у ресторатора то же самое вино, что пили вчера.

– За что пьем? – поднимая бокал, спросила Мария.

– Не зря говорят: «слово – серебро, молчание – золото». Давай выпьем молча, каждый за свое, заветное.

Они звонко чокнулись, помолчали и осушили до дна свои бокалы.

Потом долго смотрели в тишине на пляшущие язычки пламени в камине.

За что поднял свой мысленный тост Павел, Мария не знала, а сама она выпила за надежду... за ту надежду, что поселила в ее душе хозяйка гостиницы. После разговора с ней Мария только об этом и думала. А вдруг? Всякие в жизни бывают чудеса, надо только набраться сил и поверить. Кажется, она уже поверила. И сейчас, когда Мария смотрела на огонь в камине, ей вспоминалось: ливийская пустыня; оазис Бер-Хашейм, в который они ездили с Улей к знахарке Хуа, ее золотые браслеты на щиколотках ног и на руках, выкрашенные хной ступни ног и ладони; крохотные чашечки бедуинского кофе на золоченом подносе,

большие горячечно блестящие черные глаза знахарки Хуа. Вспомнились и слова заключения, которое вынесла Хуа после осмотра Марии и Ули: «Вас не от чего лечить. Вы здоровы, а чтобы родить, вам нужен здоровый мужчина». Конечно, вспомнился, не мог не вспомниться и тот (на волоске от гибели) эпизод с генералом Роммелем, который встретился ей в ливийской пустыне во главе тяжелых танков. Вспомнилось, как бывший при генерале полковник спросил:

– Господин генерал, разрешите расстрелять караван? Из крупнокалиберного пулемета – минутное дело. – Его добрые голубые глаза старого учителя вспыхнули на мгновение чистым светом, как у человека, способного быстро и хорошо сделать свою работу.

Роммель не разрешил.

– Красивая дикарка, – печально сказал Роммель, пристально взглянув на Марию. – Ладно. Пусть родят сыновей. – Роммель поднял руку в знак прощания, повернулся и пошел к танкетке.

– Слушай, дядя Паша, а давай поживем здесь подольше, – вдруг предложила Мария. – А до Марсеся тут ходу шесть часов.

– Я и сам думаю, как оставить такую кровать на произвол судьбы, – весело сказал Павел и, подойдя к Марии, обнял ее за талию.

III

В Труа еще был поздний вечер. Мария и Павел сидели у вкусно пахнущего горящими фруктовыми ветками камина, медленно попивали терпкое красное вино, нехотя говорили о том о сем, а больше молчали. Им и молчать вдвоем было очень хорошо, может быть, даже лучше, чем говорить.

А в Москве тем временем уже наступила ночь. Два часа разницы, да еще в конце октября давали о себе знать в полной мере. В отделении, где лежал выздоравливающий Адам, давно все стихло, и свет в коридоре был только от настольной лампы на посту дежурной медсестры. Все, кто мог спать, спали. Адам был из тех, кто не спал. Во-первых, его угнетал храп одного из соседей в дальнем углу палаты. Похрапывали все, но этот храпел временами так остервенело, как будто несея куда-то на мотоцикле без глушителя. Во-вторых, Адам только и думал теперь, что о своих женах. Обе они были ему желанны. И ту, и другую он любил и уважал. И той, и другой был обязан жизнью. И что ему теперь делать? Отказаться от одной ради другой? Но почему? Как ему разыскать Ксению? Как передать хоть какую-то весточку о себе маме и отцу? Как быть? Это тебе не Гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» В том-то и задача, что «быть», но как ему быть? Он пытался думать о своих женах поодиночке, о каждой в отдельности, а они все время сливались вместе, и ничего нельзя было с этим поделать, хоть плачь. Но лучше не плакать, а попросить у медсестрички снотворное, иначе промучаешься до утра.

Хорошенькая белокурая и светлоглазая медсестра Катя знала, что Адам хирург, знала, что он ассистент самого Папикова. Как-то это знание быстро распространилось среди медперсонала, в основном женского. Возможно, так получилось потому, что Адам был, безусловно, красивый мужчина.

– Катя, дайте мне снотворного, – попросил Адам, подойдя к стойке, за которой сидела медсестра, вчитавшаяся в книгу так глубоко, что она даже и не сразу услышала Адама.

– Ой, товарищ майор, а я на вас рассчитывала, – оторвавшись от книги, сказала Катя.

– Да? – Адам приветливо взглянул в лицо девушки своими эмалево-синими, притягательными глазами.

– Нет, не в том смысле, – покраснев, засмеялась Катя. – Там в пятой палате тяжелый, и я думала, если что, с вами посоветуюсь. Мне и дежурный врач так сказал: «Если я занят,

посоветуйся с майором из третьей палаты, он очень опытный». А если вам снотворного, то как же?..

– Действительно, – Адам почесал переносицу. – Ладно, накапай хоть валерьянки и пустырника.

– Это запросто, – обрадовалась Катя, и скоро на посту крепко запахло валерьянкой и, послабее, пустырником.

– А что читаете? «Анну Каренину»? «Королеву Марго»? – покровительственно улыбаясь, спросил Адам.

– Вот, тридцать капель валерьянки и двадцать пустырника. Водой насколько разбавить?

– На мизинец, – вспомнив выражение своей жены Александры, сказал Адам. – Довольно. Ваше здоровье, мадемуазель! Так что читаете? – спросил он, выпив успокоительное.

– «Случайные процессы», – показала ему обложку серой потрепанной книги Катя, – это в развитие теории вероятностей – высшая математика.

– Ничего себе, – озадаченно сказал Адам. – А зачем?

– Я учусь на физмате заочно.

– А почему не в меде?

– Не люблю медицину. У меня уже в печенках сидит смотреть, как люди мучаются. А я в прошлом году математическую олимпиаду выиграла, поэтому и взяли на заочное без экзаменов и сразу на второй курс.

– Для меня это темный лес, – сказал Адам, – и как ты понимаешь?

– Ой, что вы, товарищ майор, математика как музыка, – одна радость. Чего там понимать? У меня и дед был математик. До революции по его учебникам даже учились в университетах.

– А как же ты оказалась в медицине?

– А я после детдома устроилась в медучилище, училась, а по ночам работала санитаркой. У нас директор детдома был очень хороший дядька, он всегда говорил: «Вам, ребятки, нужна работенка такая, чтобы нигде не пропасть». Вот он и устроил нас девять девочек в медучилище. Уже война шла, медики были нужны позарез. В войну нас долго не учили, вместо четырех лет два года – и диплом.

– Понятно, – задумчиво сказал Адам, – с тобой, Катя, все более-менее понятно, а вот с твоей математикой... Я, например, никогда не мог понять, почему $A + B$ в квадрате могут чему-то равняться? Почему дважды два четыре?

– Потому что так договорились, – сказала Катя. – Математика точная наука в рамках точных договоренностей.

– Я об этом смутно догадывался, – растерянно сказал Адам. – Но понимаешь, в чем дело? Дело в том, что все в этой жизни на договоренностях. И обычаи, и законы, и правила – все на договоренности.

– Возможно, но про жизнь я не готова говорить, я ее пока мало знаю, – уклончиво ответила девушка. – Вы здесь постойте, товарищ майор, а я сбегая посмотрю, как там тяжелый.

Адам кивнул в знак согласия.

– Спит, – радостно сказала вернувшаяся Катя.

– Я тоже пойду. Спасибо, прочистила мне мозги. Удачи тебе, Катя.

– Спасибо, товарищ майор. А вот который сильно храпит, вы ему так делайте: «тца-тца-тца», и он перестанет.

– Попробую, – сказал Адам, направляясь в свою палату.

Удивительно, но первое же «тца-тца-тца» подействовало на храпуна, и он умолк на какое-то время. А когда снова поехал на своем мотоцикле без глушителя, Адам уже спал.

Адам спал под залиvistый храп соседа, а Ксения, Александра и Анна Карповна не спали в полной тишине «дворницкой». Даже за стеной в кочегарке не было шума. Наверное, и дядя Вася заснул, тот самый старичок, что иногда, встретившись один на один с дворничихой Нюрой, хитро подмигивал ей и говорил отчетливым шепотом: «Эх, хороша советская власть, да больно долго тянется».

В октябре 1948 года полнолуние было 18-го числа. С тех пор видимый диск луны изрядно истаял. И теперь, в ночь с 24 на 25 октября, в потолочное окно «дворницкой» светила едва ли пятая доля ущербной луны, небольшая, но зловеще яркая. Сильный верховой ветер давно разметал дождевые тучи над центром Москвы, дождя как не бывало, и ночь стояла тихая, лунная.

Анна Карповна не любила ущербную луну, а вот новолуние, или, как называли у них на Николаевщине молодой серп месяца, «молодик», до старости лет ждала с детской надеждой на чудо. До новолуния ровно неделя, и тогда станет окончательно ясно и для Анны Карповны, и для Александры, будет чудо или не будет. Конечно, Анна Карповна имела в виду беременность дочери. Боже! Как ей хотелось внучат! Но если дочь беременна, то по срокам вряд ли от Адама. Со дня их встречи только сегодня исполнится две недели... Маловато... значит, от Ивана. Но так, наверное, оно и лучше, правильнее. Хотя что значит правильность по сравнению с любовью? Ничего, ровным счетом. Саша рассказывала, что они с Иваном уже не раз заговаривали о маленьком и все эти разговоры начинал сам Иван. Может, и сбудется. На свете жили и живут миллионы людей, рожденные от нелюбимых. Значит, будет еще одним больше. Хотя ребеночек-то в чем виноват? Ничего, стерпится-слюбится.

От размышлений об Александре Анна Карповна как-то незаметно перешла к воспоминаниям о своей собственной молодости. Она ведь выскочила замуж неполных шестнадцати лет и родила всех трех детей в любви и верности. Ее первенец Евгений погиб 5 ноября 1914 года в первом бою русских и немецких кораблей на Черном море. Накануне он был досрочно выпущен из Санкт-Петербургского морского корпуса. Марии на тот момент было девять лет, до рождения Саши еще оставалось пять лет, а до гибели мужа и исхода русских кораблей за море шесть лет. Это сейчас все подсчитано по факту, а тогда было непредставимо... Сын, по обычаю, похоронен на дне морском; мужа «пустили в расход» красные, и где он нашел упокое, одному богу известно; Мария скитается по миру. Слава тебе, господи, осталась при ней Александра, но теперь у нее своя жизнь. Жизнь – странное времяпровождение – до тридцати тянется, а после тридцати летит с нарастающей скоростью. Вот ей, Анне Карповне, по паспорту 65, а на самом деле скоро семьдесят стукнет, в декабре этого года. И где же они, эти годы? Куда провалились? Или их ветром сдуло? Так называемым ветром истории. Слава богу, она прожила без подлостей, что правда, то правда. Ни одного низкого поступка не было за ее душой: не предавала, не убивала, не мучила, не доносила, не наговаривала, не сталкивала людей лбами! До сорока жила как бы одной жизнью, а после сорока жизнь ее разломилась, и она узнала и голод, и холод, и унижение. Слава богу, ни сумы, ни тюрьмы не было – Господь миловал. А вся ее заслуга в этой жизни, получается, только в том, что подняла она Сашеньку. Еще бы хоть одного внучонка поднять, Господи! – Анна Карповна перекрестилась. – Господи, спаси и помоги! – И вспомнился ей двор их городской усадьбы в Николаеве. Большой каменный дом, просторная веранда с кружевными солнечными пятнами, падающими сквозь крону раскидистого белолистного тополя, что рос у самой веранды, и еще другой тополь, пирамидальный, что стоял на краю их большого двора, – старый пирамидальный тополь, отбрасывающий на закате такую благодатную, такую молодую тень, как будто хотел напомнить о лучших своих временах. Да и кому не хочется вспомнить о лучших своих временах?

Лежа на узком топчанчике, Анна Карповна вспоминала и о своем воспитаннике Артеме. Она, конечно, много для него сделала, но и этот мальчик, рожденный, наверное,

в любви, тоже немало для нее сделал. В тяжелые годы одиночества наполнил ее жизнь смыслом, помог ей дождаться в добром здравии Александру... А без него как бы она пережила фронтовые годы? Его родители говорят на разных языках и в прямом, и в переносном смысле, а мальчуган растет вон какой славный! Она любит его как родного, это чистая правда. И он отвечает ей пылкой любовью, она для Артема абсолютный авторитет, и радость, и надежда, и тыл перед нападками родной матери, увы, не отягощенной ни большим умом, ни добрым сердцем. Не случайно он ни разу не назвал ее мамой, а все – Надя и Надя.

Лежа без сна, но с закрытыми глазами, потому что луна светила слишком ярко, Анна Карповна думала и вспоминала о многом. Вспомнила и о том, как струилась тень пирамидального тополя, падающая через всю их графскую усадьбу. Вспомнила и Пашу, и Дашу. Где они? Уплыли за море? Как разломилась вся их жизнь в Гражданскую войну. Как страшно разломилась. И ведь говорилось тогда и до сих пор говорится, что все ради народа, ради его светлого будущего. И кто дорожит народом? Он даже сам собою не дорожит, наш великий народ. Почему? Потому что привык за века, что он всего лишь расходный материал. В революцию и Гражданскую войну так и говорилось: «пустить в расход», что означало «расстрелять». Наверное, если сосчитать всех безвинно убиенных в России только за первые пятьдесят лет XX века, то получится целый большой народ. Например, как если взять и убрать с лица земли всю Францию. Анна Карповна не знала цифр, но смутно догадывалась, что это именно так. Только к концу XX века ее дочери и внучке историки предъявили 27 миллионов погибших в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов. А война 1914–1918 годов, о которой теперь ни слуху ни духу, как будто ее и не было никогда? А братоубийственная Гражданская война? А голод 1921-го? А голод 1933-го? А голод 1947-го? А раскулачивание, расказачивание? А замученные в неволе: от Соловков до тайги и тундры, от Сибири и Заполярья до безводных пустынь Средней Азии? Советская власть не вечна, но дело не в одной лишь власти. Придет другая, и что, народ перестанет быть для правителей расходным материалом? Вряд ли. Почему-то Анна Карповна думала так всегда: «лучше не будет».

Анна Карповна уютилась спать на узком топчанчике, а Александра и Ксения лежали на большой кровати «валетом», каждая под своим одеялом. Они тоже не спали, хотя и не переговаривались между собой, делали вид, что спят.

Ксения думала о том, как они встретятся с Адамом. Как же это возможно? И до чего великодушна Александра! Ксенина бабушка преподнесла ей много истин, и в том числе эту: «Хочешь рассудить о человеке в тяжелой ситуации, самое простое и правильное – поставить себя на его место, и тогда тебе станет виднее». Мысленно Ксения попыталась поменять себя местами с Александрой и поняла, что, наверное, она не отдала бы своего Адама. Стыдно, конечно, но не отдала бы... А Саша готова отступить... Ксения в первый раз подумала об Александре «Саша» как действительно о родной сестре. Нет, она, Ксения, точно бы не отдала. Правда, есть Адька и Сашка, и Александра не хочет идти против них, вот в чем дело. Какое счастье, что у нее есть детки, какая сила! Ей вспомнились плывущие в предутреннем тумане домишки ее родного поселка, бесконечно длинная стена заводского забора из белого силикатного кирпича, вспомнилась красавица тетя Глаша, так нелепо ушедшая из жизни, вспомнился и дружок ее детства альбинос Ванек, погибший в неравном бою за ее, Ксенину, честь. Господи, неужели ей суждено воссоединиться с Адамом?! Невообразимо... Какая отчаянная Александра, какие отчаянные у нее фронтовые друзья!

Ущербный диск луны горел так ярко, что его мертвенный свет бил в глаза, и Ксении вдруг пришли на память стихи, которые читала вслух бабушка. Она знала на память много стихов, в том числе и, как говорили в школе, «упадочного поэта» Сергея Есенина:

А месяц будет плыть и плыть,
Роня весла по озерам,

А Русь все также будет пить,
Плясать и плакать под забором.

Может быть, Ксении пришли на ум именно эти строки оттого, что за стеной в кочегарке глухо слышались хмельные голоса, и среди них особенно явственно фальцет всегда пьяненького дяди Васи, который задавал собеседнику третий извечный русский вопрос: «Ты меня ув-важаешь?!»

А Александра тем временем тупо думала об одном и том же: если она беременна, то от кого? Если бы от Адама! Но по срокам рано. Значит, будет дочь Ивановной, а не Адамовной. Она почему-то была неколебимо уверена, что родится у нее дочь. Что ж, если будет Ивановна, то оно и к лучшему... Хотя почему? Да хотя бы потому, что есть Ксенины и Адама двое детишек! А вдруг все это чепуха, вдруг она просто отравилась чем-то, что-то не то съела, – вот и тошнит, вот и мутит. При этой мысли ей стало совсем не по себе: только не это, нет, нет и нет! Пусть от Ивана. Если она и понесла, то фактически чуть ли не на сто процентов от своего Ванечки-генерала. Хороший он человек, и ее любит... Да и она почти любит его, а будет дите – все укрепитя.

Почему вдруг в сентябре, накануне Ашхабада, она скоропостижно расписалась с Иваном?

Почему вдруг? Да потому, что это произошло как бы независимо от ее воли, но не против ее желания. Женская логика? Может, и женская (увы, не худшая из логик), но противоречий тут по существу не было. Поездка на розыски Адама, знакомство в поселке с Ксенией и ее синеглазыми малышами вроде бы определили все навечно, а встреча с Адамом, как казалось тогда, могла только присниться. К тому же мама говорила изо дня в день, как ей хочется внуков, какой хороший Ванечка-генерал, да и красивая Нина все твердила про Ванечку. И самой Александре был он тогда неизменно приятен и дорог, почти как родной. И все-таки лавину обрушила Нина, можно сказать, по воле случая. В сентябре старший сынок Нины, доставшийся ей от фронтового мужа генерала, пошел в школу, и там Нина познакомилась с начальницей загса, которая привела в первый класс свою дочку. Фронтovichка Нина была человеком действия: она взялась подвезти новую знакомую на своем трофейном «Рено» к загсу, а по дороге они договорились, что завтра к вечеру, после работы, «распишут чудную пару». Так оно и случилось как-то само собой, без специальной подготовки, экспромтом. После загса Нина, ее муж генерал, Александра и Ванечка в генеральском мундире поехали в Елисеевский гастроном, а оттуда к Анне Карповне в «дворницкую». Никогда прежде не видела Александра свою маму одновременно такой помолодевшей, такой счастливой, такой гордой, как в тот дивный сентябрьский вечер. Когда около полуночи они все уезжали от мамы, она придержала дочь за порогом «дворницкой» и горячо шепнула ей на ухо: «Спасибо тебе».

Александру продолжало мутить, и она не могла смотреть без отвращения на зло горящий лик ущербной луны. От одного только взгляда на зеленовато-медную дольку лунного диска тошнота прямо-таки подкатывала к горлу. Хорошо, что вечером вдруг пришел новый вестовой Ванечки-генерала. Пришел этот испуганный рыжий парнишка и расставил все точки над i.

Хорошо-то хорошо, но ее так и подмывало столкнуть лежащую рядом Ксению с кровати. Стыдно до слез, но подмывало ужасно. Наверное, из-за этой ущербной, тошнотворной луны в окошке над головой...

Все трое уснули почти одновременно. Уснули, чтоб встретить новый день с новыми силами и новыми надеждами. А краешек ущербной луны сдвинулся по небосводу и больше не светил в окошко, не мешал им спать.

IV

Тогда, в «дворницкой», в запале и смятении чувств Александра пообещала Ксении, что отведет ее к Адаму в больницу. И теперь, сказав «А», хочешь не хочешь, а надо бы говорить «Б» – надо извещать Адама о предстоящей встрече. Легко сказать «надо», а у Александры язык не поворачивался. Наконец, почти через неделю после того, как она открылась Ксении и та стала приходить к Анне Карповне каждый божий день сразу после занятий в университете, Александре все же пришлось сказать Адаму о предстоящей встрече. Во-первых, тянуть с этим дальше было просто некуда, а во-вторых, он сам начал этот разговор.

Они стояли в теплом, чистом, пропахшем лекарствами больничном коридоре у высокого, хорошо вымытого и тщательно заклеенного на зиму окна с широким подоконником, на котором стоял глиняный горшок с неприхотливым алоэ, прозванным в народе «доктором». Косые струи дождя сбивали с большого клена под окном последние желтые листья, и те не кружились, как обычно, в плавном полете, а падали под потоками воды ниц, опадали на почерневшую от влаги землю как-то очень смиренно и безнадежно.

На посту медицинской сестры в то утро опять дежурила светлоглазая хорошенькая Катя-математика. Оказывается, это прозвище закрепилось за ней давно, и никто не упрекал ее за то, что она собирается навсегда изменить медицине и жить, как она говорила, не на «чужой», а на «своей» улице.

– Товарищ майор, – выйдя из-за отгородки поста, где у нее стоял маленький письменный стол, негромко окликнула Адама Катя, – товарищ майор, может, глянете тяжелого в пятой палате?

Адам кивнул в знак согласия, и они с Катей пошли в пятую палату, а Александра прошла к посту дежурной медсестры, облокотилась о стойку и загадала: «Если в пятой палате все обойдется, если больной выживет, то это и в ее судьбе будет хороший знак».

Адам и Катя не возвращались минут сорок. Катя прикатила в пятую палату капельницу, еще раз выбегала за чем-то в ординаторскую, но когда они, наконец, вернулись, то по их лицам Александра сразу поняла – все в порядке и порадовалась за больного и за себя.

Они возвратились с Адамом к окну, и он вдруг сказал:

– Ты представляешь, эта Катя книжки по высшей математике читает!

– Я в курсе. Она заочница на физмате.

– Она мне говорит: «Математика – точная наука в рамках точных договоренностей». А я ей говорю: «Но тогда можно сказать, что все в этом мире в рамках договоренностей, вся жизнь». Например, ей я этого не сказал, но подумал: мусульмане договорились, что у мужчины может быть четыре жены, и все жены живут в согласии. Конечно, есть строгий регламент шариата, свод правил: каждую жену надо обеспечить жилищем с отдельным входом, каждую кормить, поить, обувать, одевать, каждую четвертую ночь надо ночевать с женой и еще там много условий...

– Да, я слышала об этом обычае, – прервала Адама Александра.

– Ты слышала, а я ведь из Дагестана, – запальчиво сказал Адам, – ты слышала, а я все это сто раз наблюдал в горных аулах. Правда, четыре – это редкий случай, а две – запросто! Чего-то я заболтался, – смутился Адам, перехватив взгляд своей первой (старшей) жены и поняв, что она слышит в его словах не текст, а подтекст. – Какой дождь лупит!

Александра не поддержала обычно спасительный в таких случаях разговор о погоде. И наступила неловкая пауза.

– Слушай, – наконец продолжил разговор Адам, – а как бы моим послать весточку? Маме, отцу...

– Не знаю. Спрошу у Папикова. Ксения в Москве, я приведу ее завтра, – вдруг выпалила Александра.

Боже! Как он обрадовался! Как нестерпимо было видеть Александре его разбурявшееся лицо с косящими сильнее обычного сияющими эмалево-синими глазами.

– Она учится в МГУ на биофаке, – после долгой паузы сказала, наконец, Александра, – как ты хотел. – Губы ее задрожали, и на глаза навернулись слезы.

Адам обнял ее за плечи и привлек к себе. Ему было все равно, смотрит ли на них кто-нибудь. Так, обнявшись, они долго стояли у окна, за которым шумел дождь. С клена облетели почти все листья, остались только три самых стойких. Глядя на эти три последних листочка, Александра подумала: «Один – Адам, второй – я, третий – Ксения». Она со страхом ожидала, что какой-то листок опадет, но они дружно держались, пока и сам клен не утонул в сгустившихся сумерках. «Если до завтра продержатся, то все у нас будет хорошо», – с детской надеждой на чудо подумала Александра.

Вскоре зашаркали шлепанцами, застучали костылями ходячие – пошли на запоздавший обед в столовую, расположенную в противоположном конце длинного коридора за выкрашенной светло-кремовой масляной краской фанерной перегородкой. Там, за перегородкой, было и второе окно, точно такое же высокое, как то, у которого стояли Адам и Александра.

– Тебе обедать пора, и так они что-то задержались, – сказала Александра, – уже время полдника...

– Не хочется.

– Иди, иди. Надо. А я в конце дня еще забегу. Смотри, как стемнело, но это скорее из-за дождя.

На этом их разговор прервался. Александра чмокнула Адама в щеку и быстро-быстро пошла по коридору – мимо поста с Катей-математикой, мимо больных, которые смотрели на нее с живым интересом, и скрылась с глаз Адама в проеме двери на лестничную клетку.

Адам не стал есть перловый суп на курином бульоне, а вот любимой гречневой каши поел с удовольствием. Обоняя застоявшиеся запахи больничной столовой, он думал о маме, об отце, вспоминал свой любимый Дагестан, который за годы работы врачом обошел пешком и объездил на лошадке вдоль и поперек. Он ясно увидел зарю в горах Дагестана, ее алые и желтые перья, распластанные, словно крылья, над вершинами скалистых гор. Вспомнил тот маленький высокогорный аул, где он принимал долгие тяжелые роды у пятнадцатилетней горянки, второй жены хозяина сакли, а первая, старшая, все это время помогала Адаму. Наверное, ей было лет двадцать пять, но черты лица ее уже чуточку огрубели, хотя она и была еще красива. Особенно запомнились ее глаза – черные, большие и удивительно добрые. Взгляд их был и очень мягкий, лучистый и в то же время исполненный собственного достоинства. Именно это сочетание доброты и гордости навсегда врезалось в память Адама. Вспомнил он и как с плоской крыши сакли салютовал из охотничьего ружья старый муж роженицы (наверное, мужу было чуть за тридцать, но тогда он показался двадцатичетырехлетнему Адаму очень старым), вспомнил он и белый дымок из дула ружья, и острый запах пороховой гари. Вспомнил и маленького новорожденного в белой, похожей на крем смазке с головы до ног, как в белых одеждах безгрешия, его старчески сморщенное личико и первый крик...

«Да, у него было две жены, – подумал Адам о горце, салютовавшем на крыше сакли, – и первая, старшая, жена помогала мне принимать роды у второй, младшей жены... Как говорит Катя-математика: «В рамках точных договоренностей». Вот они договорились среди мусульман, и ему, значит, можно, а мы не договорились, и мне нельзя... А может, нам было бы хорошо втроем? Они ведь обе мне одинаково желанны... Неужели завтра я увижу Ксению?.. Нет, что ни говори, а Александра – человек... Ее великодушие подавляет... Но как же мне

быть? Бросить Ксению? Нет, это невозможно. Эх, хорошо бы уехать с ними в высокогорный аул или уйти в тайгу или в пустыню... Как бы хорошо мы там жили! Быть или не быть – разве это вопрос?.. Как быть? – вот вопрос так вопрос».

А Александра тем временем была на месте своей основной работы на кафедре Папикова. Сам он куда-то уехал, и они сидели в кабинете вдвоем с его женой Наташей. Занятия в институте к тому времени закончились, в гулких весь день коридорах стояла тишина, преподаватели разошлись кто куда.

– Саша, что случилось? – спросила через некоторое время Наталья. – Ты сама не своя.

– Пока ничего, – отвечала Александра, – а случится ли, бог весть... Слушай, а к концу второй недели беременности, к началу третьей могут появиться такие признаки, как тошнота, охота солененького?

– Кто его знает, – смущенно ответила бездетная Наталья, – я, дура, абортыв делала, а как оно все протекало, не помню.

– До войны?

– И до войны.

– Понятно.

– По науке, Саша, к концу второй недели рановато. А там кто его знает. На то и существуют правила, чтобы допускать исключения. Ты не по адресу обратилась, солнышко.

– Ладно, время покажет.

– Может, чайку попьем? – спросила Наталья.

– Давай. Чаек от всех заморочек первое лекарство, – усмехнулась Александра, – иди кипяточку принеси с первого этажа.

– А заварка у нас есть, Саш?

– Есть. И чай краснодарский, и мята, и душица. Сейчас я скомбинирую – будет первый сорт. Даже сахар есть.

– Ладно – Наталья вышла за дверь с зеленым эмалированным чайником, а Александра принялась насыпать в заварной фарфоровый чайничек заварку; в кабинете приятно пахло мятой и душицей. Волей-неволей ей вспомнилась поездка в поселок на розыски Адама, как сидели они с Ксенией на теплом крыльце ее домика, как свежо пахло мокрыми полами, которые только что окатила хозяйка ведром воды, какая теплая была ночь, как сияли звезды над кособокими домишками поселка, как отчаянно прокричал зарезанный филином заяц.

Чаю попили с удовольствием, а тут и Александр Суренович подоспел. Ему тоже понравился чай с травами из Ксениного поселка.

– А ты чего нос повесила? – по-отечески тепло спросил Папиков Александру. – Помоему, все хорошо. Он скоро поправится, и будем работать. Я переговорил с ректором, он не возражает.

– Да, все хорошо, – безучастно отвечала Александра, думавшая только о том, как она завтра приведет к Адаму Ксению.

– В душу к тебе лезть не буду, – миролюбиво сказал Папиков, понявший со всей определенностью, что Александре есть что скрывать и она пока не готова ни с кем делиться своими горестями.

– Я пойду, мне еще к нему забежать надо? – спросила разрешения Александра.

– Давай! Всего хорошего, и Адаму привет!

– Спасибо.

Превозмогая себя, Александра зашла в отделение к Адаму и сказала, что завтра во второй половине дня она приведет Ксению.

– Хорошо, – ответил он сдержанно, и эта его сдержанность не могла не понравиться Александре.

Назавтра выдался редкостный для конца октября солнечный и довольно теплый денек. Про такие погожие дни посреди осенней хляби и первых противных холодов так и хочется сказать: «не день, а именно денек», хочется ответить лаской на Божью ласку.

Ксения должна была прийти к трем часам дня. Договорились встретиться у институтских ворот. В это время больным в хирургическом отделении полагалось спать. Чтобы как в детском саду или в пионерском лагере не называть этот час «мертвым», в хирургии его называли «сончас». Напоминаний о смерти здесь и без того хватало.

Последние полчаса перед встречей Александра провела в таком возбуждении, что пришлось просить Наталью накапать ей валерьянки.

– Капай побольше, мне надо успокоиться.

– А в чем дело?

– Потом расскажу, после трех.

Наталья, не скупясь, накапала валерьянку. Александра впервые в жизни выпила успокоительное.

За пять минут до встречи она пошла к воротам. Мельком взглянула на облетевший клен под окном институтской хирургии. Все три листочка держались стойко и даже, как показало Александру, одинаково радостно поблескивали на солнце и трепетали под легким дуновением ветра.

Ксения была на месте. В кургузом коричневом плюшевом пиджаке с худенького материнского плеча (такие носили перед войной), в цветастой шифоновой косынке, в юбке от школьной формы, в стоптанных туфлях-лодочках, до блеска начищенных гуталином, в светло-коричневых хлопчатобумажных чулках в резинку с бледным, почти детским перепуганным личиком Ксения выглядела довольно жалко. «Надо сразу белый халат на нее натянуть, он все скроет», – подумала Александра прежде, чем поздороваться.

– Это вся твоя зимняя одежда? – кивнув в ответ на «здравствуй», спросила Александра.

– Наверно, – робко ответила Ксения.

– У тебя и шарфика теплого нет? Так и ходишь с открытой душой?

– Н-нет, но мне тепло.

– Ладно, потом разберемся. Пошли. Только когда придем, не реви, не кричи, сейчас сончас и многие спят. Ясно?

– Я-ясно.

– У тебя уже сейчас губы дрожат... Не реви, а то и я разревусь. Пошли, он ждет.

В приемном покое Александра взяла у девчонок чистый накрахмаленный халат. Ксения в нем изменилась разительно, даже как бы повзрослела на вид.

– И косынку сними, надень мой колпак, как будто ты медсестра. Ой, как тебе идет! Вперед, Ксения!

Адам стоял у окна спиной к ним и не заметил, как они подошли.

– Привет! – коснулась плеча Адама Александра. Тот обернулся и увидел перед собой одновременно и первую, и вторую жену.

Ксения молча припала к груди Адама. Плечи ее тряслись в беззвучных рыданиях.

– Все, я пошла, – сказала, отходя от них, Александра и тут же, чтобы подавить вдруг накотившую тошноту, прижала к губам носовой платок.

На посту опять дежурила Катя. Почему-то она всю неделю выходила в дневную смену.

– Катя, ты проследи, чтобы им никто не мешал, – распорядилась Александра.

– Хорошо. А это его сестренка? – полюбопытствовала Катя.

– Жена. Сестра – это я.

– А-а, – удивленно пропела Катя, – а я...

Но Александра уже скрылась в проеме двери на лестничную клетку, опустошенно думая на ходу: «Идиотка! Какая же я несчастная идиотка – сама отдала, своими руками!»

V

Океанский лайнер отплывал из Марселя в Нью-Йорк ровно в 18.00 по средневропейскому времени. Так что в запасе у Марии и Павла оставалось чуть больше десяти часов. Вчера вечером перед сном они собрали вещи, благо их было немного, и сейчас, поутру нового дня, им оставалось лишь привести себя в порядок, позавтракать и – в путь. От Труа до Марселя больше пятисот километров, а дорога хотя и хорошая, но дорога есть дорога... Получается, что времени в обрез.

Павел еще брился в ванной комнате, а Мария решила спуститься в столовую.

– Я пойду распоряжусь насчет завтрака, – сказала она в приоткрытую дверь ванной.

– Пойди, – был ответ. – Я скоро.

«Господи, как мгновенно пролетели эти прелестные дни в Труа! Спасибо тебе, Господи!» Прежде чем выйти из номера, Мария вернулась к циклопической кровати и погладила ее резную деревянную спинку, особенно нежно – заласканную многими юными женами гривастую морду льва, украшавшую ее край. «Эх, если бы все случилось так, как предрекает хозяйка гостиницы Мари... “Если бы, да кабы, в роте выросли грибы”», – как говорила в незапамятные времена Марииного детства нянька баба Клава, мать денщика Сидора Галушко и их хорошенькой рыженькой горничной певуны Анечки.

Выйдя из номера, Мария остановилась в легкой утренней полутьме у пучка полыни, висевшего над перилами лестницы, принялась с удовольствием. Внизу вдруг довольно громко заспорили: по голосу – хозяйка гостиницы Мари и какой-то мужчина, отвечавший ей унылым, робким баритоном.

– Где стихозы?

– Но, Мари...

– Я тебя спрашиваю – где стихозы?

– Но, Мари, – это ведь творчество.

– Какое к чертям собачьим творчество! Сегодня графиня съезжает, и мы должны начинать. Ты хочешь, чтобы я попала под неустойку?!

– Но, Мари, творчество... я все успею.

– Твое счастье, Поль, что ты мой старший брат, а то бы я тебе показала творчество! Денег не дам. Принесешь первые десять стихоз – получишь аванс.

– Ты права, Мари, ты как всегда права... Ты такая добрая...

– И не подлизывайся! Не дам ни сантима.

– Этот прохвост Эмиль не наливает в долг.

– Правильно делает. Я ему запретила. Боже, что бы вы без меня делали?!

– Ты права, Мари, но хоть на стаканчик дай...

– Не дам. Проваливай. И чтобы к вечеру принес первые стихозы.

– Обязательно. Я принесу пять стихов, – вдруг воодушевился мужчина, и в голосе его прозвучали горделивые нотки, – пять стихов, – добавил он с королевским апломбом. Голос мужчины показался Марии знакомым, где-то она уже слышала этот апломб.

– Принесешь пять, тогда и поговорим, Поль.

– Но, Мари! – взмолился Поль.

Серебряная пудреница, которой Мария пользовалась, вдруг выскользнула у нее из рук и покатила по лестнице. Мария спустилась, подобрала пудреницу, где вместо зеркальца был вмонтирован отполированный золотой диск, и продолжила спускаться вниз по лестнице.

Внизу смолкли.

– Доброе утро, Мари, – приветствовала Мария хозяйку гостиницы. – Доброе утро, мсье!

– Доброе утро, Ваше Превосходительство! – радостно отвечала хозяйка. – А это мой старший брат Поль – поэт.

– Очень рада вас видеть! – отвечала Мария и тут разглядела, что Поль – тот самый пожилой мужчина в черном костюме и черных сатиновых бухгалтерских нарукавниках, которого они с Павлом повстречали у мэрии и который с апломбом рассказывал им о Труа.

Хозяйка гостиницы сунула что-то в руку поэта, наверняка не очень крупную купюру, он зажал ее в кулаке, поклонился Марии в пояс, мгновенно отступил в темную глубину зала и выскользнул из гостиницы.

– Ваш брат работает в мэрии?

– Да, откуда вы знаете?

– А мы его встречали у мэрии еще в начале, как только стали знакомиться с Труа, и он рассказал нам много интересного.

– О да, Поль много чего знает, – с неподдельной гордостью сказала Мари. – Он работает в мэрии, но очень тяготится этим. Поль настоящий поэт – в прошлом году он чуть не получил le prix Apollinaire. Но в последний момент премию дали парижанину. Конечно, у них там своя шайка-лейка, зачем им маленький Поль из маленького Труа? Дали парижанину, а мой Поль остался с носом⁴.

– Может, еще дадут, не все потеряно, – подбодрила хозяйку гостиницы Мария.

– Вряд ли. Хотя, дай бог! Поль тоже надеется. Он ведь у меня детей клепают... Извините, я хотела сказать, его жена родит каждые полтора года. У них одиннадцать душ детей, и всех кормить надо. Вот он и пишет для меня стихозы, извините, я хотела сказать стихи, – поздравления для новобрачных. Я даю ему имена и фамилии жениха и невесты, их родителей, а если есть какая смешная или пикантная подробность в их роду, то даю эту историю, и он клепают стихозы... извините, пишет стихи.

– Стихозы? – улыбнулась Мария. – А кто первый их так назвал?

– Да он сам же и назвал. Потом каллиграф, его дружок из мэрии, красиво переписывает на специальном листе с розочками и с голубями, а после венчания или после мэрии, когда все приходят сюда, Поль зачитывает стихозу... извините, стих, и я даю молодым этот лист. Всем очень нравится, и Поль неплохо подрабатывает. Потом свадьба остается внизу, а молодые поднимаются наверх, в ваш номер.

– Все расписано по ролям, как в театре, – засмеялась Мария.

– Ну а как же! – просияла в ответ ей Мари. – Свадьба должна запомниться молодым. Всем хочется радости и счастья, а того и другого не так уж много на белом свете.

– Что правда, то правда, – подтвердила Мария. – Как сказал французский композитор Камил Сен-Санс: «Не пришлось бы вам впоследствии горько сожалеть о времени, безвозвратно утраченном для веселья».

– Так и сказал? Какой молодец! Я это запомню и вставлю в свою речь на свадьбах. Честно говоря, эта затея с королевской кроватью дает мне больше, чем гостиница и ресторан, вместе взятые.

– Мари, мы позавтракаем и поедем.

– Да-да, конечно. Круассаны, кофе, джем? Все как обычно?

– Как обычно.

Так и окончилось их чудесное пребывание в чудесном городке Труа. Хозяйка гостиницы Мари даже всплакнула, когда ее гости отъезжали на своем шикарном авто.

⁴ В 1947 году престижнейшая премия Аполлинера была присуждена за книгу стихов «День» Эрве Базену, в последующем Президенту Гонкуровской академии. Любопытно, что в 1979 году писатель был удостоен в Москве Ленинской премии мира. Так что у маленького Поля из маленького Труа был в финале достойный соперник.

– Хороший городок, славные люди, – задумчиво сказала Мария при выезде из Труа на трассу до Марселя. Сняв с руля правую руку, она троекратно перекрестилась чему-то своему, тайному.

Долго ехали молча.

– Должны успеть на корабль, – наконец произнес Павел, который мысленно уже был у себя дома в Америке.

– Успеем, не беспокойся, – угадав его состояние, холодно ответила Мария. – У нас до отплытия девять часов. Я поднажму?

– Поднажми, но в рамках разумного.

– Угу. В рамках разумного...

С двадцатиминутным перерывом на легкий обед в одном из придорожных бистро, за Лионом, дорога от Труа до Марселя заняла восемь часов. На территорию марсельского порта они въехали за сорок пять минут до отплытия. Трапы еще не убрали, но работяга-буксир уже прилаживался к белому многопалубному гиганту, чтобы тащить его из бухты в открытое море.

Павел взошел на борт последним из пассажиров. Убрали трапы. Подняли якоря. Мягко подергивая тросы, буксир пытался стронуть корабль с места. Наконец он плавно сдвинул похожий на айсберг белоснежный лайнер, ярко расцвеченный многими огнями, и потянул его на чистую воду.

Мария помахала любимому платочком, промокнула слезы, подождала в бездумном оцепенении еще четверть часа, пока белая громада лайнера не растворилась в сумерках на выходе из глубоководной марсельской бухты.

На пирсе пахло соляжкой, наверное, нанесло от буксира, но все равно влажный воздух из бухты был напоен свежестью моря. «Вот и кончен бал, – вздохнув всей грудью, подумала Мария. – То ли было, то ли не было? Дай бог, чтобы было!»

Когда она выезжала с территории порта, дорогу ей неожиданно преградило такси, водитель которого зачем-то тут же вышел из машины. Мария с возмущением последовала его примеру.

– Вы что позволяете себе, мсье?!

– Мадам Мари! Как я рад вас видеть!

– Господи! Да это вы, Жак?!

– Узнали? Спасибо.

– Здравствуйте, дорогой Жак, – Мария протянула таксисту руку.

– Мадам Мари, время вас не берет! – восхищенно воскликнул таксист Жак, с которым они сотрудничали в войну. – Вы из Парижа?

– Из Парижа и опять в Париж. О-о! – вдруг сообразила Мария. – А вы не могли бы отогнать мою машину в Париж? А я бы поехала поездом. Кажется, есть вечерний поезд?

– Да, мадам, уходит через два часа тридцать минут. Утром будете на Лионском вокзале Парижа.

– Чудно! Тогда оставьте где-то здесь свое такси и вперед!

– Вон наша стоянка. Ребята присмотрят, – сказал Жак.

Меньше чем за пять минут, разобравшись со своей машиной, Жак сел за руль автомобиля Марии, и они поехали на железнодорожный вокзал.

– Как поживает господин Руссо, у которого мы покупали автомобиль?

– Все так же, мадам, без изменений.

– И он без изменений, и вы без изменений. А как же Соппротивление? Как ваши военные заслуги перед Францией?

– О, мадам, кому это нужно? – саркастически усмехнулся Жак. – Про войну все забыли.

– А я помню. И о вас, и о господине Руссо. Вы ведь каждый день рисковали жизнью.

– Мадам Мари, все стараются не вспоминать об этом. Как у нас говорится: оказанная услуга уже не считается услугой. Я даже прочел в газете, что вспоминать военные заслуги сейчас считается неприличным. Что вы хотите? Даже де Голля и того сразу же после войны отправили в отставку. И Черчилля! Рузвельт умер... Один Сталин удержался на своем посту. Тех, кто отсиживался в кустах, в сотни раз больше, чем тех, кто сопротивлялся. Вот трусы и взяли верх. Говорят, так всегда бывает. Кто-то мне сказал поговорку: «Победитель не получает ничего». Похоже, так было всегда, испокон веков.

– Наверное, вы правы, – терпеливо выслушав тираду косого Жака, сказала Мария, – жизнь забывчива.

На том они и подъехали к вокзалу. Мария купила билет в спальный вагон класса люкс.

– А что же нам делать два часа? – спросила Мария по-французски. – О, балда! Чуть не взяла грех на душу! – стукнув себя костяшками пальцев по лбу, добавила она по-русски. – Мсье Жак, – перешла она на французский, – давайте съездим на кладбище, я проведу своих близких.

– Конечно, – с готовностью отвечал Жак, – времени у нас достаточно.

Жак сел за руль, а Мария на переднее место рядом.

– Водить вашу машину – одно удовольствие! – восторженно сказал Жак по пути. – А я не заработал за всю жизнь даже на хорошую машину.

– У вас еще все впереди.

– Ну да, – усмехнулся Жак, – все впереди, только хвост позади, – такая есть песенка!

– Не слышала.

Жак напел песенку, что-то вроде детской считалки.

– Хорошая, – усмехнулась Мария.

По пути на кладбище они проехали мимо особняка Николь, два окна в котором светились. Мария давно подарила этот дом Клодин, а окна светились, наверное, потому, что в доме жила прислуга. Без людей дом быстро мертвеет.

Кладбищенские ворота были приоткрыты.

– Здесь совсем недалеко от входа, – сказала Мария.

Жак вышел из машины, распахнул ворота и вернулся.

– Заезжать не надо, – сказала Мария, – только посветите мне на дорогу.

Жак включил дальнее освещение. Мощные потоки желтоватого света вырвали из тьмы ряды надгробий.

Когда Мария подошла к могиле супругов, Жак вежливо переключил свет на ближний, чтобы не мешать ей побыть в одиночестве.

«Привет, Николь! Привет, Шарль!» – мысленно приветствовала супругов Мария и положила купленные на вокзале белые хризантемы на край надгробия Николь.

На кладбище, как всегда, было зябко и сыро. Где-то в его черной глубине, громко хлопая крыльями, умащивались на ночлег какие-то большие птицы, может быть, вороны, которые живут на белом свете триста лет.

Когда Мария вернулась к машине, Жак закрыл скрипучие кладбищенские ворота, и они поехали на вокзал.

– Я знаю, эта Николь дала по морде офицеру гестапо, – взволнованно сказал Жак. – Это весь город помнит. Настоящая жена генерала! Настоящая француженка!

– Да, она оказалась настоящая, – печально подтвердила Мария, вспоминая о том, как славно они с Николь купались на лошадях в Тунисском заливе; как жила она девочкой в ее губернаторском дворце; как красиво расшивал седла серебром и золотом умелец-мавр. Как гордо сказал ей о себе этот старый мастер: «Я был лучший басонщик во всей Мавритании, а теперь на всем Ближнем Востоке». И тогда на всю жизнь запомнила Мария, что, оказывается,

есть такая профессия – басонщик, человек, расшивающий седла золотыми и серебряными нитями. И, оказывается, этой профессией можно гордиться и посвятить ей всю свою жизнь.

Теперь Мария Александровна думала, что подлинных мастеров в каждой профессии одновременно живет не больше, чем человек по пятьсот на всей земле, а бывает, что и того меньше.

Поезд уже ждал их на перроне. Жак поднес ее саквояж к литерному вагону, отличавшемуся от других только номером 9. Что ни говори, а французские буржуа научились не выпячивать свои богатства, не колотить в глаза роскошью, не унижать, походя, малоимущих. Старая буржуазия на то и старая, чтобы быть умной.

– Простите, чуть не забыла, – Мария полезла в дамскую сумочку, – вот моя визитка. Здесь точный адрес и телефон. Жду. – Она протянула руку таксисту Жаку.

– Мадам Мари, вы что, не возьмете с меня расписки?

– Какой расписки?

– Насчет вашего авто.

– Жак, вы шутите? Мы с вами дали друг другу расписки еще в те времена, когда рисковали своими шкурами, когда вывозили из Франции солдат-мальчишек на яхте «Николь». Вы что, не помните?

– Помню, – глухо сказал Жак, – но сейчас времена другие.

– Для нормальных людей нет. Я так полагаю.

– Я вас никогда не забуду.

– Тогда вперед! – Мария пожала теплую сухую кисть руки таксиста Жака и ловко поднялась в тамбур. Она доверяла людям, ладони которых не потели. И, пожимая руку таксиста, как бы еще раз удостоверилась, что поступает правильно.

VI

Это был Vagon-lit⁵ – спальный вагон класса люкс. Мария сразу отметила, как хорошо здесь пахло – и чабрецом, и душицей, и лавандой. У того, кто комбинировал этот запах, было весьма тонкое обоняние. Встретил Марию еще в тамбуре, сразу взял у нее саквояж, и проводил до купе рослый импозантный мужчина в светло-серой форме железнодорожника. Он был такой представительный и такой торжественный, что его вполне можно было принять за генерала или адмирала.

– Прошу вас, мадам, – правой рукой с саквояжем открывая пошире дверь в купе, а левой тут же подкрутив свои роскошные черные усы, с пафосом произнес он. – Позвольте представиться: бригадир поезда Луи Анри Филипп. К вашим услугам, мадам. Вам показать кнопки вызова?

– Спасибо. Я в курсе ваших кнопок.

– Очень приятно, мадам. Через четверть часа я пришлю проводницу.

В памяти Марии промелькнул давний рассказ покойного мужа о сиротском детстве в пансионе, и она подумала, что бригадир Луи похож на дядюшку Антуана – жуира, что расчесывал свои роскошные усы специальной деревянной расчесочкой, а его круглый животик туго обтягивала жилетка. Она вспомнила не только слова, но и интонации чуть хрипловатого голоса Антуана: «Эх, до чего хотелось мне хлопнуть дядюшку по круглому, как мяч, животу! Поэтому я и выслушивал его поучения, сцепив за спиной руки, словно узник».

Мария едва расположилась, как поезд тронулся. Поплыли мимо огни вокзала, чугунные столбы с фонарями электроосвещения на малолюдном перроне. Один такой чугунный столб когда-то навечно закрыл Антуана, уезжавшего на войну, в Париж. За убежавшим назад

⁵ Вагон-кровать (*фр.*).

перроном потянулись железнодорожные пакгаузы, потом и они растворились во тьме. Мария задернула плотную шторку на окне. Что ж, завтра утром она будет в Париже... без Павла. Он слишком неожиданно ворвался в ее жизнь, как дар Божий, – иначе она и не расценивала его внезапное появление. «Порадовалась – пора и честь знать. Господи! Если бы...» Она подумала о маленьком поэте из Труа, авторе, наверное, хороших стихов и... одиннадцати детей! «Если бы всемогущий Бог дал ей хоть одного! Нет, лучше об этом не думать...»

Через четверть часа в дверь купе негромко постучали.

– Войдите, – разрешила Мария.

И, о чудо! Ее взору предстала их николаевская горничная Анечка Галушко. Рыженькая, кудрявая, пухленькая, белокожая, с веселым быстрым взглядом зеленовато-серых глаз с чуть припухшими веками и, как всегда, поблескивающим кончиком аккуратного остренького носа.

Будучи не из робкого десятка, Мария Александровна все-таки оторопела. Ей в ту же секунду вспомнился экспресс «Николаев – Санкт-Петербург». Вспомнилось, как они с мамой и горничной Анечкой ехали «присмотреться к Питеру», куда папá приглашали товарищем военного министра⁶. Вспомнилось, как звякала серебряная ложечка в тонком стакане в серебряном бабушкином подстаканнике. Тогда они взяли в дорогу много своего домашнего, привычного и для них, и для их любимой горничной, маминой тезки Анечки.

– Аннет, – сделала книксен проводница.

«Боже мой, еще и Аннет! Чудеса твои, Господи!» Мария Александровна и прежде отмечала, что на свете много похожих людей, с типическими чертами лица и формами тела.

– Прикажете ужин? Кофе? Чай? – протараторила рыженькая Аннет.

«Господи, и тараторит точь-в-точь, как Анечка!»

– Пожалуйста, пока присядьте в кресло, – указала ей на место против себя Мария Александровна.

Проводница послушно присела, хотя по лицу ее промелькнула тень недоумения.

– Видит бог, у меня в детстве была абсолютно похожая на вас знакомая. Вы ее копия.

Поете? – неожиданно спросила Мария Александровна.

– Что, мадам?

– Я спрашиваю: вы хорошо поете?

– Говорят, неплохо, – смущенно ответила Аннет.

– Вот и она была певунья. Послушайте, а у вас в поезде найдется бутылка красного вина провинции Медок? Желательно довоенного урожая.

– Пойду спрошу, – резво вскочила на ноги Аннет.

– И два бокала, – крикнула ей вдогонку Мария Александровна.

– Есть одна бутылка Медок тридцать восьмого года, – доложила минут через десять Аннет.

– Тридцать восьмого? – Мария Александровна задумалась, как бы припоминая. – Да, это был год хорошего урожая. Несите вино, два бокала, сыры.

– Сыры ассорти?

– Можно.

– Разрешите исполнять, мадам?

– Да.

«Бывает же такое... До чего живо я вижу сейчас тот экспресс на Питер, маму, Анечку. Само Провидение послало мне эту Аннет».

Проводница принесла заказ.

– Открывайте, – Мария указала глазами на бутылку.

⁶ Заместителем военного министра.

Аннет ловко откупорила вино.

– Наливайте в оба бокала.

Аннет послушно налила бокалы до половины. Столик купе чуть подрагивал от хода поезда, и рубиновое вино играло в бокалах при ярком свете электрических ламп.

– Ты можешь оказать мне любезность? – вдруг неожиданно для самой себя, перейдя с проводницей на «ты», властно спросила Мария Александровна.

– Да, мадам, конечно.

– Садись, выпьем.

– О, мадам, меня уволят... – прошептала Аннет, и ее хорошенькое личико вмиг стало пунцовым. – Старший проводник...

– Луи?

– Нет, мадам, Луи – бригадир поезда. Луи главнее.

– Пойди позови его.

– Но, мадам...

– Пожалуйста, позови.

Выходя из купе, Аннет пожала полными плечами, как бы давая понять, что она привыкла к причудам богатеев, а другие в ее вагоне не ездили.

– К вашим услугам, мадам! – вскоре появился на пороге купе Луи Анри Филипп, и тут Мария Александровна опять обратила внимание на его кругленький, обтянутый жилеткой животик. Ей невольно захотелось хлопнуть ладошкой по нему.

– Я графиня Мари Мерзловска, – сказала она, подавая свою визитную карточку бригадиру Луи.

– Очень приятно, мадам, – с глубоким поклоном приняв визитку, отвечал тот.

– Понимаете, какое дело, я вижу, вы мудрый человек, господин Луи Анри Филипп... – Мария взяла долгую паузу.

Бригадир машинально подкрутил свои роскошные черные усы. Ему весьма польстило, что он мудрый. Чего-чего, а уж дураком он не считал себя никогда.

– Господин Луи, – наконец прервала актерскую паузу Мария, – ваша проводница Аннет моя двоюродная племянница. Я помню ее маленькой девочкой. Жизнь давно разлучила меня с ее родственниками. Я буду признательна, если вы разрешите Аннет посидеть полчасика с двоюродной теткой, поболтать, пригубить вина за встречу. Кстати, это вино с виноградников моего покойного мужа. Так вы не против?

– Еще бы, мадам! Ради бога! – настороженно ответил Луи.

– Тогда вы свободны, бригадир Луи, а Аннет я сильно не задержу, не беспокойтесь за нее.

Бригадир церемонно раскланялся, ввел в купе красную от смущения Аннет, подмигнул ей так, чтобы не видела богатая пассажирка, и прикрыл за собой дверь купе.

– Ну вот, и все в порядке, – улыбнулась девушке Мария.

– Что вы, мадам? Откуда у меня французская графиня в родне? Луи меня знает, как облупленную... Он прекрасно знает, что я из русских эмигрантов.

– Из русских?

«Бывают странные сближенья», – сказал Александр Сергеевич Пушкин на все времена. Были, бывают, будут.

– Из русских, – подтвердила Аннет.

– А я кто, по-твоему? Китайка? – вдруг привстав от волнения, спросила Мария Александровна по-русски.

– Вы русски? – уловив знакомый ей с детства строй речи, изумленно спросила Аннет.

– Ты понимаешь по-русски?

– Плехо понимай... понимай.

– Понятно. Понимаешь, но плохо. Тогда я перейду на французский. Садись и давай все-таки выпьем. За знакомство! – Мария Александровна подняла свой бокал. Аннет послушно взяла свой. Они звонко чокнулись и отпили по несколько глотков.

– Очень вкусное! Я никогда не пила такое вино, – простодушно сказала Аннет.

– Да, это хорошее вино. Расскажи о своей семье.

– Папа и мама у меня были русские. Они приехали в Марсель в девятнадцатом году.

– Ты не помнишь, из какого города или губернии?

– Я очень хорошо помню, такое красивое греческое имя – Херсон.

– Херсон?! Да у меня Нюся из Херсона! – воскликнула Мария по-русски и тут же перешла на французский. – Мои родители и я жили в городе неподалеку от Херсона, в Николаеве. Так что мы земляки. Давай выпьем.

Они чокнулись и отпили по глотку терпкого сухого вина.

– Расскажи о семье.

– Мама и папа еще молодые приехали в Марсель. Потом родилась я. В России папа работал врачом по женским и детским болезням, а здесь ему не разрешили работать. У него не было французского диплома. А я была маленькая и жуткая плакса. Мама убирала в богатых домах, а папа работал грузчиком в марсельском порту. Он был очень сильный. Я родилась в двадцать шестом году, а в сорок втором они погибли, в сорок втором... – Аннет смолкла, справляясь с волнением.

– А что случилось?

– Их расстреляли боши, гестаповцы. В тридцать восьмом мы купили маленький домик в стороне старого кладбища, с маленьким лоскутком земли. Папа все умел делать сам, и он очень украсил домик и привел в порядок наш крохотный сад. Была ночная облава. У нас в подвале прятались бойцы Сопротивления – русский и еврей, совсем молодые, оба раненые. За два дня до этого их к нам привезли те, у кого они были раньше. Побоялись держать их у себя, а папа разрешил. Ну вот, боши всех расстреляли. Наверное, кто-то донес. И солдат расстреляли, и маму с папą. А я в ту ночь первый раз не пришла ночевать домой, осталась у своего парня, – его родители уехали к родственникам в Авиньон. Вот так чудом я спаслась. Мне еще шестнадцати не было.

Помолчали под стук колес.

– А где ты живешь сейчас?

– Снимаю угол.

– Ты замужем?

– Нет, мадам. Кому я нужна, бесприданница? Мужчины сейчас в большой цене. Говорят, так всегда бывает после войны.

– Угол, говоришь?

– Да, койко-место.

– Это мне знакомо. Я тоже когда-то снимала койко-место.

– Вы?!

– Да, Анечка. – В памяти Марии промелькнул марсельский особняк Николь, который она давным-давно подарила Клодин. – А, впрочем, зачем тебе особняк? – вдруг вслух продолжив ход своих раздумий, сказала Мария по-французски. – Может быть, ты хочешь учиться?

– Конечно, хочу, – вспыхнула Аннет, – кто же не хочет?!

– А кем ты хотела бы стать?

– Когда я была маленькой девочкой, я всегда лечила своих кукол. Я всегда мечтала стать, как папа: врачом по женским и детским болезням. Но какое это имеет значение... учебу мне не поднять.

– Ничего, как-нибудь поднимем, – неожиданно для самой себя приняла решение Мария, и знакомый холодок пробежал в ее груди. – В Сорбонне?

– Мадам, моя мама говорила на русски: «Не дал бог на свиня рок».

– Не дал бог свинье рог, – да, это по-русски, – засмеялась Мария. – Давай еще выпьем. За Сорбонну! – воодушевленно добавила она, чокаясь с Аннет.

Девушка растерянно пригубила вино, по ее ошалевшим серо-зеленым глазам было понятно, что ей ничего не понятно. Ровным счетом ни-че-го.

– Извини меня, Анечка, – меняя тон с бравурного на задушевный, сказала Мария. – Ты не сочти меня за богатую идиотку. Просто я не каждый день встречаю девушек, как две капли воды похожих на тех, что были со мной еще в те давние времена, когда я жила в России. А в ту ночь, когда погибли твои родители и бойцы, я тоже могла погибнуть, но Бог меня надоумил еще на рассвете того дня уплыть на яхте в открытое море. Так что мне все это очень близко. Ты меня поняла?

– Чуть-чуть, мадам.

– Ты как много работаешь?

– Двое через двое, мадам. В смысле двое суток работаю, двое отдыхаю.

– У тебя есть парень?

– Скорее нет, чем да, мадам.

– Ты хочешь учиться в Сорбонне и через шесть лет стать врачом по детским и женским болезням?

– Мадам Мари, вы фея?

– Нет, просто у меня есть средства, и я хочу, чтобы ты стала врачом, как твой отец.

– Но, мадам Мари, все это так странно...

– Странно? Нет. Не более, чем вся наша жизнь. Хорошо, Аня, я разъясню тебе свою мотивацию. Наливай.

– Но, мадам, мы скоро прикончим бутылку...

– Наливай.

Девушка налила в бокалы красного вина провинции Медок. От хода поезда вино в бокалах играло и отсвечивало, как живое.

– Сегодня я проводила из марсельского порта в Америку любимого человека. Мы не виделись двадцать семь лет. Он тоже русский из России. А встретились, как и с тобой, совершенно случайно на Монмартре. Ты ведь была на Монмартре?

– Нет, мадам. У нас, у поездных, не бывает много времени. Только по ближним к вокзалу магазинам мотнемся и опять в Марсель.

– Ты, кажется, не очень меня понимаешь? – внимательно взглянув на собеседницу, сказала Мария.

– Не очень, – едва слышно пролепетала Аннет.

– Деньги, конечно, играют в нашей жизни важную роль. Но есть многое поважнее денег. В твои годы я тоже была без гроша в кармане, и мне помогли выбраться из бедноты чужие люди. Наливай.

Аннет послушно разлила по бокалам остатки вина.

Выпили и в первый раз попробовали сыры.

– Слушай, время позднее, завтра у нас с тобой куча дел, пойдешь позови бригадира Луи.

Аннет вышла из купе и вскоре привела Луи.

– Бригадир Луи, я дала вам свою визитку?

– Да, мадам.

– Мсье Луи, есть обстоятельства, по которым Аннет завтра останется в Париже. Вы справитесь без нее?

– Как надолго, мадам?

– Навсегда.

– Но, мадам...

– Вас интересует неустойка?

– Меня нет, но кампанию может заинтересовать...

– Сколько?

– Не понял, мадам... – Луи покраснел, его левый ус задергался кверху.

– Сколько я должна заплатить?

– Но, мадам...

– Аня, оставь нас на минутку, – сказала Мария по-русски.

Девушка вышла из купе.

– Сколько?

– Мадам, – бригадир Луи выпрямился, подобрал живот, горделиво поправил задранный ус, – я не возьму ничего.

– Достойно, – похвалила его Мария, – но имейте в виду, если возникнут сложности, я готова соответствовать хоть банковским чеком, хоть наличными. Позовите Аннет.

Бригадир выглянул из купе и пропустил в него свою подчиненную.

– Аннет, господин Луи благородный человек. Идите работайте. Завтра утром мы вместе сойдем на Лионском вокзале.

Ошарашенная Аннет и гордый собою Луи покинули купе. Мария закрыла дверь на задвижку и стала готовиться ко сну.

– Разрешите постелить постель? – негромко постучав в дверь купе, спросила Аннет по-французски.

– Спасибо, Анечка, я сама, – ответила ей по-русски Мария. – До завтра.

– Спокойной ночи, мадам Мари! – пожелала ей Аннет по-французски.

– Спасибо, милая, – опять по-русски ответила Мария.

Она была уверена, что быстро заснет под стук колес и мерное покачивание вагона. Но сна не было ни в одном глазу. Высоко в потолке слабо светился синеватый ночник, в купе было тепло и уютно, а за зашторенным окном летела ночная мгла. Мария живо представила себе эту клубящуюся грохочущую мглу, изредка пробиваемую маленькими синими молниями из-под колес. Ей приходилось видеть ночные поезда со стороны.

Не спалось. Ей показалось, что это из-за мертвенного света ночника. Она присела в постели, нашла на стенной панели нужную кнопку и выключила электрический свет. Плотная тьма охватила ее со всех сторон, но скоро глаза привыкли, и она увидела, что по краям штор кое-где пробивается полусвет, что светлее тьмы.

В темноте все представлялось совсем по-другому, и даже свистящий вдоль вагона мглистый ветер и воображаемые искры в ночи из-под колес скорого поезда. Да что там поезд! Да что там искры! Вся жизнь представлялась по-другому: и настоящее, и прошедшее, и будущее. Все по-другому! Как по-другому? На этот вопрос она не могла бы ответить абсолютно точными словами. Не все тонкости жизни можно передать словами. Слова зачастую лишь прочерчивают линию, указывают направление, намекают на сокровенный смысл или заменяют его. Иногда один жест скажет больше, чем много слов, и вберет в себя больше смыслов и тончайших оттенков. Сейчас, в темноте, Мария вдруг внезапно почувствовала, будто летит она высоко над землей, летит по какой-то странной траектории, которую впоследствии назовут орбитой. И вот летит она вокруг Земли над Францией, над Россией, над Тунисом... Это неземное ощущение длилось, наверно, несколько секунд, но Мария Александровна помнила его до конца своих дней. И вспомнила его особенно ярко и предметно, когда полетел в космос Юрий Гагарин.

Стучали колеса, покачивало вагон, и Мария снова вернулась к земному. Спрашивается, зачем она с бухты-барахты ворвалась в судьбу рыженькой проводницы Аннет, которая так

похожа на их николаевскую горничную Аннушку Галушко? Только из-за разительного сходства и потому, что угадала в ней русскую?

Нет, не только, а потому, что без Павла ей стало так одиноко, что она сразу вцепилась в эту Аннет. Вцепилась, сообразив, что сделает Анечку-Аннет детским врачом. Именно детским... Она все-таки очень надеялась, что сбудутся посулы хозяйки гостиницы в Труа.

VII

Иногда житейские обстоятельства складываются так, что сказать правду невозможно и солгать невозможно. Тогда и идет в ход спасительная полуправда. Всем известна судебская формула: «Обязуюсь говорить правду, только правду, и ничего, кроме правды». А вот о полуправде, о недосказанности здесь ничего не говорится, а зря. В полуправде скрыты огромные возможности для маневра.

Когда Александра, наконец, нашла в себе силы вернуться в коммуналку, где жили они с Ванечкой-генералом, тот встретил ее скованно и настороженно. Так он ее еще никогда не встречал. Даже не подошел обнять и поцеловать.

– Чай поставь, пожалуйста, – снимая куртку, попросила Александра как можно будничнее, притом что на душе у нее «скреблись кошки», а умом она лихорадочно соображала: «Как быть? Что сказать? Что делать?»

Иван долго не возвращался с кухни. Наконец, он явился с новеньким жостовским подносом в цветочек, на котором были большой заварной чайник с красными горошинами по белому полю, такая же сахарница, тонкие стаканы в мельхиоровых подстаканниках, чайные ложки.

– Откуда поднос? – спросила Александра, чтобы оттянуть время.

– Да так, думал, тебе понравится, – отвечал Ванечка-генерал, глядя мимо нее. И этот его взгляд окончательно уверил Александру, что Иван ждет правды. Но она еще потянула минуты две-три, пока разливала чай по стаканам, пока размешивала ложечкой твердый кусковой сахар.

Ее спасла интуиция.

– Ты все знаешь, – наконец сказала Александра.

– Да, я читал закрытые сводки по Ашхабаду. Они проходят по нашему управлению «Восток». Читал про майора Домбровского, тяжелораненого... Он жив?

– Жив, – окончательно справляясь с собой, отвечала Александра. – Мы привезли его в Москву. Он под наблюдением Папикова.

К чаю они так и не притронулись.

– Я всегда чувствовал, что появится он и вернет тебя, – сказал Ванечка и посмотрел на нее таким затравленным, таким беззащитным взглядом, что было понятно: его жизнь рушится. И Александра тут же вспомнила, что точно так сказала ей Ксения в поселке: «Я всегда боялась, что появишься ты и уведешь его».

– Не вернет, – чуть слышно сказала Александра.

– Почему?

– Во-первых, у него есть жена и двое детей, во-вторых... – Александра замаялась.

– Что во-вторых?

– У нас будет ребенок, Ваня.

– Ребенок?! – Он даже зажмурился от ослепительной возможности счастья. А когда Иван открыл глаза, в них было столько света и радости, что и Александре стало полегче.

VIII

В дни детства и юности Александры ее мать Анна Карповна чувствовала себя несравненно более одинокой, чем теперь, когда ее дочь стала взрослой, да к тому же еще и прошла фронт. Во-первых, теперь они говорили на родном языке, на русском, во-вторых, с полным взаимопроникновением не только в сказанные слова, но и в их подтекст. Радость поговорить по душам с близким человеком – одна из самых чистых земных радостей.

О чем они говорили?

О разном. От бытовых обиходных тем до разговоров о прочитанных книгах из их сокровищницы – большого деревянного ларя у дверей. От разговоров о жизни многострадального, но все еще не сломленного народа до размышлений о вечном. За долгие годы фактической полунемоты Анна Карповна так истосковалась по русскому слову, что теперь как будто наверстывала упущенное, говорила с дочерью всласть и подолгу. Хотя Анна Карповна до замужества успела окончить лишь гимназию, благодаря самообразованию и тому кругу людей, в котором она вращалась почти до сорока лет, благодаря своей природной любознательности и даровитости, она была человеком весьма разносторонних познаний и вполне самостоятельного ума. С тех пор, как Анна Карповна, наконец, заговорила по-русски, она как бы снова стала не уборщицей тетей Нюрой, а графиней Мерзловской.

И теперь ей не нужно было отделяться междометиями, а можно было, как встарь, говорить развернутыми предложениями широко и свободно.

– Как хорошо, Саша, что мы с тобою ведем не одни только утробные разговоры, – совсем недавно, ранним декабрьским вечером сказала Анна Карповна. – Я имею в виду: «Ели? Не ели? Гуще? Жиже? Разогреть? Не разогреть?» Конечно, утробное тоже важно, но для многих это главный разговор через всю жизнь.

– Да, – охотно согласилась Александра. – Похоже, ты права, ма.

«Ты меня ув-важаешь? – вдруг раздался за стеной в кочегарке пронзительный фальцет вечно пьяненького старичка дяди Васи. – Нет, скажи: ты меня ув-важаешь?!»

– Вот-вот, – засмеялась Анна Карповна, – у нас на Руси всегда было три главных вопроса: «Кто виноват?», «Что делать?», «Ты меня ув-важаешь?» Притом третий вопрос обычно задают под хмельком, по поговорке: «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке». Не верит наш человек, что сосед, собутыльник или приятель может его уважать. Не верит, потому что неуважение друг к другу у нас прямо-таки разлито в воздухе. Так есть так было и так будет, наверное, еще очень долго. С отмены крепостного права, то есть рабства, у нас ведь еще и ста лет не прошло. В двадцатом веке только-только начала страна подниматься – тут ее и подрезали: война с немцами, революция, Гражданская война, а там и советская власть накрыла так плотно, что «шаг влево, шаг вправо – считается побег», и сколько это протянется, одному Богу известно. Шквальный порыв ветра неожиданно поднял над окном в потолке «дворницкой» снежную замять, очистил стекла от недавнего легкого снега, и высоко в небе мелькнул «молодик» – остророгий серп народившегося месяца.

– Может, полезть на крышу, окно почистить? – спросила Александра.

– И не вздумай. Тебе сейчас лазить по крышам ни к чему.

– Правда, – смутилась Александра, с ужасом вспомнив, как свалилась она в окоп примерно на этом же сроке беременности.

– Сиди, – улыбнулась мама, – а я еще поразглагольствую. Так вот: вопрос «Кто виноват?» тоже очень важный для нас вопрос, потому что никто не хочет брать на себя ответственность. Гораздо надежнее и привычней переадресовывать эту ответственность властям, плохой погоде, неурожаю и прочая. А вот второй наш корневой вопрос «Что делать?» для нас не риторический, а сугубо личный, вопрос на выживание. «Что делать?» То есть как

прорваться, как выжить? И наш человек обязательно выкручивается и прорывается. Русские всегда были способны к мобилизации. Все знают слова Бисмарка: «Русские долго запрягают, но быстро едут». Кстати сказать, немцы тоже очень способны к мобилизации. Но немцы – народ, настолько приученный к порядку, что и выкручиваться и прорываться они будут по науке, с обязательным перерывом на обед. Орднунг есть орднунг. Наши же непременно найдут такой ход, который может показаться безрассудным и невозможным даже теоретически. А наш Суворов взял и перешел через Альпы, да еще и пушки перетащили его солдатики. Когда Бисмарк был посланником в России, его пригласили на царскую охоту. Он заблудился в пути, загнал лошадей, и ему пришлось в первой попавшейся деревеньке нанять мужика с лошадежкой, запряженной в простецкие сани. Мужик сказал, что по столбовой дороге ехать до места охоты очень далеко, а через лес, «напрямки», гораздо ближе. Поехали через лес по плохонькой дороге, и мужик гнал свою лошадежку так, что сани бросало от колдобины к колдобине, и Бисмарк не раз прощался с жизнью. А мужик иногда поворачивался к седоку и кричал с залихватской удалью: «Держись, барин, проскочим!» На царскую охоту они успели вовремя. Когда Бисмарк стал канцлером, дела у Германии шли плохо, и однажды он рассказал в рейхстаге об этой поездке с мужиком через лес и добавил: «Здесь, в Германии, один я – Бисмарк, говорю вам: “Держись, проскочим!” А в России так говорит весь народ». Дальше он перешел к тому, что с русскими нельзя воевать, а если играть, то играть только честно или не играть вообще.

– Ну, и как мы выкрутимся? – после долгой паузы с улыбкой спросила Александра, демонстративно поглаживая себя по животу.

– Выкрутимся, госпожа генеральша, не сомневайся. Правда, боюсь, вернется Адам, и ты начнешь нервничать, а это тебе категорически противопоказано.

– Папиков отпустил Адама на два месяца. На сорок пять дней ему достали путевку в санаторий, в Кисловодск, а оттуда он заедет в Махачкалу, к своим, потом назад, в Москву. Не знаю, как мы с ним будем работать... В уме не помещается...

– А Ксения с ним?

– Нет. Он поехал один, но она его провожала, а я нет.

– Саша, но это же правильно. Ты ведь сама его отдала. Честь и хвала тебе за такое решение.

– И зачем мне...

– Что зачем, Саша?

– Ваша честь, ваша хвала...

– Это твоя честь, доченька, не раздражайся. Я тебя понимаю, но делать нечего.

Трудно сказать, чем бы закончился их разговор, но в это время в дверь постучали.

Сидевшая ближе к входной двери на еще недавно скрипучей табуретке Анна Карповна поспешила спросить:

– Кто?

– Свои, – раздалось в ответ.

Анна Карповна проворно подошла к двери, откинула массивный кованый крючок.

– Добрый вечер, – радостно сказал шагнувший в комнату с холода Иван, он же Ванечка-генерал.

– Раздевайся, Ваня, – коснувшись рукава его шинели с золотыми генеральскими погонами на плечах, пригласила гостя Анна Карповна. В ее голосе прозвучало столько материнского тепла и нежности, что Александре стало даже как-то не по себе. Она почувствовала неожиданную для самой себя ревность и одновременно поняла дрогнувшим сердцем, что ее мать и ее Ванечка теперь союзники навсегда.

«Успели найти общий язык, пока меня не было. И табуретки больше не скрипят – все починил Ванечка. Мама раз пять сказала, что теперь они не скрипят. И еще мама как-то

проговорила, что Иван напоминает ей старшего сына Евгения, погибшего в первом бою с немцами на Черном море пятого ноября 1914 года по старому стилю».

Анна Карповна заварила Ксенин чай с мятой и душицей.

– Летом пахнет, – сказал Иван, настороженно вглядываясь в лицо Александры. С тех пор, как она объявила ему о будущем ребенке, он всегда смотрел на нее настороженно, с полной готовностью подстраховать в любую секунду. Он уже знал историю с неудачным разрешением ее первой беременности и старался оградить жену от любой случайности.

– Расслабься, Ваня, – не раз говорила ему Александра, – знал бы, где упадешь, – соломки бы подстелил. Но нельзя эту соломку стелить на каждом шагу. Нельзя!

– Согласен, – отвечал Иван, но сделать с собой ничего не мог, не мог расслабиться. Он понимал, что это плохо, но как приказать себе меньше любить Александру и меньше за нее бояться? Нет, он этого не мог.

То, что Иван любит Александру, едва ли не каждый замечал с первого взгляда, а вот ее чувства к Ивану не бросались в глаза. Сложные были чувства у Александры к Ивану: во-первых, еще с фронта она любила его за молодецкую отвагу и в то же время умение быть отцом-командиром, осмотрительным и мудрым не по годам; во-вторых, он всегда был приятен ей физически. Между ними всегда было то, что потом, через много лет, профессор Ксения Половинкина назвала «биологической приязнью»; в-третьих, у него было хорошее чувство юмора, и они многому смеялись вместе, а это сближает людей, может, и меньше, чем преодоление общих невзгод, но зато гораздо радостнее; в-четвертых, он был генерал, и это генеральство накладывало свою печать на многое в сознании Александры, начиная от мыслей об отце адмирале и кончая тем, что Иван был не просто генерал, а генерал очень молодой и в то же время закаленный в жестоких боях, а не в одних лишь штабных коридорах; в-пятых, его высоко ценила мама, а для Александры ее отношение к тому или другому человеку было во многом определяющим. Короче говоря, до встречи Александры с Адамом в ее душе была почти полная ясность: все шло к тому, что они с Иваном «срастутся», а теперь... А теперь все перевернулось и перекрутилось так причудливо, что от бывшей ясности и следа не осталось. Вся ее жизнь стала теперь как бы зыбкой, и земля, на которой совсем недавно она стояла так твердо, каждую следующую минуту грозила ускользнуть из-под ног. Но главное, – сейчас надо думать не о себе, не об Иване или Адаме, надо думать о маленьком. Ночами ей кажется, что она слышит, как бьется сердце ее еще не родившегося ребенка.

IX

За необыкновенно широким и очень чисто вымытым окном просторной кухни парижского особняка Марии Александровны было еще полутемно. Уличное освещение уже выключили, но ноябрьское утро еще не вошло в полную силу, а мелкий обложной дождь одинаково плотно скрывал от глаз и далеко отстоящую Эйфелеву башню, и находившийся всего лишь в сотне метров от дома мост Александра III, украшенный массивными прямоугольными колоннами с золочеными крылатыми конями на них.

– Ну, че, кофий, круасу, повидлу? – спросила Марию тетя Нюся.

– Не, Нюсь, чего-то такого хочется... Давай яичницу с беконом и с твоими знаменитыми солено-перчеными херсонскими помидорчиками. Остренького хочется, соленьенького.

– С утра соленьенького? А ты не понесла, мать? – взглянув на Марию в упор, спросила тетя Нюся.

– Дал бы бог, – смутилась Мария.

– Кажись, дал, – с надеждой проговорила тетя Нюся и троекратно перекрестилась. – Эх, кабы дал! Как бы я его понянчила!

– А где наша Аннет? – перебила ее Мария, суеверно желая уйти от преждевременного разговора.

– Така шустренька, така моторна, – с материнской теплотой в голосе начала об Аннет тетя Нюся. – Ты чуй, я токи встала, а вона вже окно у кухні помыла, пыль во всех комнатах протерла и спрашивает меня по-французскому, как полы натирать, щоб я подучила. Наша дивчина, херсонска! А я ей: иди, мойся, позавтракаем, тогда видно будет. Моется. Та ни, вже помылась, вон писинку муркает в своей комнатке. Аня! – громко окликнула она в открытую дверь кухни, – иди завтракать! – Большинство слов тетя Нюся выговаривала по-украински, но и русские слова получались у нее абсолютно чисто, без малейшего акцента. Такой особенностью устной речи обладали многие жители юга Малороссии, наделенные от природы хорошим музыкальным слухом.

– Сейчас приду! – крикнула из своей комнаты девушка по-французски. – Вот она я! – встала Аннет на пороге кухни через минуту. Веселая, рыжая, чистенькая, с блестящей пипочкой аккуратного остренького носика, с плутовским быстрым взглядом ярко-зеленых глаз с чуть припухшими веками.

«Нет, она все-таки непостижимо похожа на Анечку Галушко, – в который раз подумала Мария, – быть ей детским врачом».

При виде Аннет Мария уже не в первый раз вспомнила всеобщую любимицу их семьи Анечку Галушко. Их семьи – в том далеком сказочном городе Николаеве, с его исключительно прямыми и широкими улицами, чтобы по ним было удобно возить длинномерный строевой лес; с его знаменитыми верфями, на которых строились лучшие корабли Империи, с его градоначальником и начальником порта папá; с Морским собранием, где ставились спектакли по чеховским пьесам, с оклеенной для звукоизоляции папье-маше и пахнущей мышами тесной суфлерской будкой на сцене.

– Садись за стол, сейчас нам Нюся яичницу сделает, – пригласила Аннет Мария. – Слушай, а у тебя отец был грек? – Все это Мария сказала по-русски.

– Грек. У него мама была гречанка, а отец русский. А вы откуда знаете? – по-французски отвечала Аннет.

– Это не я знаю. Это Нюся.

– Грек! – обрадовалась тетя Нюся, разбивавшая куриные яйца в глубокую тарелку и одновременно ставившая сковородку на газовую горелку.

– Грек, – подтвердила Аннет по-русски.

– Тоды я батьку твою знала. Чернявый, высокий. Во такой, – и тетя Нюся широко развела плечи, изображая богатыря.

Аннет очень обрадовалась, она поняла, что тетя Нюся знала именно ее отца-богатыря.

– Со свинкой, с коклюшем я своих хлопчиков таскала до твоего батьки. Хороший был человек, безотказный.

– Настоящий врач и должен быть безотказным, – сказала Мария, – наша Анечка тоже будет врачом. Выучится.

Хотя и Мария, и Нюся говорили по-русски, Аннет все поняла правильно. Ее лукавое личико вдруг стало задумчивым, и она рассудительно сказала по-французски:

– Мир тесен.

– Боже мой! – удивленно проговорила Мария. – Бывают же такие совпадения! Наша Анечка Галушко точь-в-точь так же, как Аннет, иногда вдруг становилась задумчивой и обязательно изрекала что-нибудь рассудительное. Да, что ни говори: «Бывают странные сближенья...»

Аннет жила в доме Марии Александровны вторую неделю. С тетей Нюсей они сразу нашли общий язык, да и Фунтик принял гостью на удивление любезно. Обычно никому, кроме Марии, тети Нюси и доктора Франсуа, он не позволял даже погладить себя, а Аннет с

первого дня чесала ему за ушком и под горлом, вычесывала из него лишнюю шерсть густой металлической гребенкой, брала его на руки.

– Фуня, ну ты и предатель, – ласково говорила ему на это Мария Александровна. – Значит, ты считаешь, что Аннет хорошая девушка?

Фунтик жмурился, но не отрицал, что Аннет ему по душе.

Успели они за это время съездить и на медицинский факультет Сорбонны, основанный еще в 1253 году. Все разузнали там честь честью. Оказалось, что занятия на подготовительных курсах медицинского факультета начнутся только в январе, но оплатить их можно было сейчас. Мария оплатила.

– Мадам Мари, как же я буду с вами расплачиваться? – спросила Аннет, когда они сели в машину, чтобы ехать домой.

– Там видно будет.

– Я так не могу, мадам Мари, давайте я пойду работать, пока еще не учусь.

– Ты уже учишься. А расплачиваться будешь не со мной, а с кем-нибудь другим в своей жизни. Ты меня поняла?

– Не совсем, мадам Мари, – сказала Аннет, с интересом наблюдая, как ловко ведет машину Мария.

– Когда ты станешь врачом и будешь зарабатывать хорошие деньги, тебе наверняка встретится молодая девушка или парень, которым надо помочь. Вот так ты отдашь свой долг.

– Отдам, – угрюмо насупившись, непреклонно сказала Аннет.

– Отдашь. Я не сомневаюсь в тебе.

– А мы далеко от Монмартра? – спросила Аннет.

– Недалеко. Точно, давай заедем, я покажу тебе Монмартр.

Улицы Парижа в те времена не были забиты машинами, и дорога до Монмартра не заняла много времени.

Первым делом они посетили церковь Санкре-Кёр, где в намоленной полутьме, стоя в проходе между деревянными скамьями, вознесли свои тайные просьбы Всевышнему.

Потом поднялись на Монмартрский холм, на маленькую площадь, где собирались художники и всегда работали ювелирные лавки. В тот будний пасмурный день мутно-серое небо стояло высоко, и дождя не было, но дул порывистый низовой ветер, погода стояла зябкая, явно не располагавшая к рисункам с натуры. Под облетевшими кленами несколько художников все-таки приплясывали перед своими готовыми к бою мольбертами – вдруг набредет посетитель: «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать».

Аннет захотелось, чтобы ее нарисовали, – это ясно прочитывалось по ее лицу.

– Не спеши, – перехватив обращенный к художникам взгляд девушки, сказала Мария. – Мы еще приедем сюда, когда здесь будет настоящий мастер, я его знаю.

Аннет кивнула в знак согласия.

– А зайдем в кафе? – предложила Мария по-русски.

– Карашо, – также по-русски отвечала Аннет.

– Мадам, мадемуазель, вам кофе со сливками? – спросил их в кафе все тот же пожилой гарсон.

– Нет, – сказала Мария.

– И мне без сливок, – обворожительно улыбнулась гарсону Аннет, и Мария с удовольствием отметила, какая у нее белозубая улыбка. «Хорошие зубы – крепкое здоровье. Дай Бог ей удачи», – подумала о своей спутнице Мария.

В кафе, кроме них, не было посетителей, и это как-то особенно радовало, вносило щемящую ноту единственности и неповторимости каждого ускользающего мгновения. Глядя сквозь чистые стекла широких окон кафе вниз на площадь, на торговцев каштанами с их жаровнями, на художников без работы под облетевшими кленами, Мария Александровна,

как и в прошлый раз, когда после кафе она чудом встретила Павла, думала о великом беспамятстве Жизни. Совсем недавно вон там, под кленами, позировал художнику ее Павел, а сейчас он далеко в Америке, и ничто на этой Монмартрской площади не напоминает, что он был когда-то здесь, ничто, кроме ее, Марииной, памяти. Нет, еще сохранился карандашный набросок портрета Павла, сделанный здесь, на Монмартре: «...а если что и остается чрез звуки лиры и трубы, то вечности жерлом пожрется и общей не уйдет судьбы». Да, именно так: память на этом свете остается «через звуки лиры», то есть через литературу и искусство. И еще память остается через «звуки трубы» – имеется в виду труба, призывающая на смертный бой, то есть остается память о войнах. Печально, но это так, и никак иначе.

– Аннет, давай еще по чашечке кофе с пирожными, – сказала Мария, – очень хочется пирожных...

Гарсон был доволен новым заказом и сказал, что пирожные у них только испекли, отличные пирожные эклер, крем чудный!

– Сто лет не ела пирожных, а тут вдруг захотелось невыносимо, – сказала Мария, а подумала о своей возможной беременности.

Когда гарсон принес счет, Мария полезла в сумочку за кошельком, но Аннет опередила ее.

– Разрешите, я заплачу, пожалуйста, – голос девушки прозвучал так напряженно, так просительно, что Мария убрала свой кошелек.

Знакомый холодок пробежал в груди Марии. Она доверяла этому холодку, – до сих пор он ни разу ее не обманывал.

– Слушай, Аня, у меня есть деловой разговор. Говорить по-французски или по-русски?

– Если разговор серьезный, то лучше по-французски, – настороженно отвечала девушка.

– Хорошо. Давай по-французски. Аннет, жизнь полна неожиданностей, бывают всякие штуки. Ты меня понимаешь?

– После того, что случилось со мной, понимаю, – лукаво отвечала Аннет.

– Вот и хорошо. Я решила купить тебе квартиру, чтобы ты чувствовала себя независимой от меня.

– Квартиру?

– Да, небольшую, например, из трех комнат. Есть хорошие доходные дома с хорошим обслуживанием. Квартиры будут только расти в цене. Ты согласна?

– Согласна, – они будут расти в цене.

– Нет, я спрашиваю, тебя устроит трехкомнатная?

– Нет, мадам.

– А сколько тебе надо комнат? – ошарашенно спросила Мария.

– Нисколько. Я не приму такого подарка, мадам.

Золушка явно не собиралась садиться в золоченую карету. Да, знакомый холодок пробежал в груди Марии, да, она приняла решение, но не тут-то было.

Мария взяла паузу, а когда поняла, что не перемолчит рыженькую и такую, казалось, простенькую Аннет, наконец, сказала:

– Почему ты отказываешься? Такие предложения делаются людям не часто.

– Возможно, мадам, но это не для меня.

– Все-таки объясни, если можешь, – очень мягко попросила Мария, – я ведь тебе предлагала от чистого сердца.

– Я верю вам, мадам Мари, но вы ведь совсем меня не знаете. Может, завтра я брошу все и укачу обратно в Марсель.

– Ты не хочешь учиться?

– Очень хочу, мадам, но меня ведь будет мучить совесть, – вдруг я не отдам тому, следующему по вашей цепочке, то, что возьму у вас.

– Почему?

– Мадам, тому может быть тысяча причин: я могу заболеть, могу влюбиться, выскочить замуж и нарожать кучу детей... Я очень хочу много деток.

– Кто же не хочет... – чуть слышно произнесла Мария. – Ладно, я тебя понимаю, давай поживем, поучимся годик, а там как карта ляжет.

– Вот это подходит! – просияла Аннет.

Х

«В двадцать лет ума нет – и не будет. В тридцать лет жены нет – и не будет. В сорок лет денег нет – и не будет». Мария Александровна знала эту поговорку еще с николаевских времен. Так частенько говорила ее нянька баба Клава. Войдя в зрелый возраст, Мария Александровна однажды подумала, что в ее собственной жизни все было не совсем так. Ум ее проявился рано, и денег до сорока лет к ней пришло столько, что и за десять жизней не прожить, если, конечно, не играть в азартные игры или не раздавать имущество бедным, как сделал когда-то Блаженный Августин из Карфагена, да и многие другие люди делали это и до, и после него. И с умом, и с деньгами все было по поговорке, а вот муж ее Антуан спустился с небес, когда Марии было за тридцать. Правда, и исчез Антуан в небе над Ла-Маншем, когда ей еще не исполнилось сорока лет.

Деньги, деньги, деньги... как много говорят и как много думают о деньгах люди, конечно, прежде всего те, у кого их слишком мало или слишком много.

Деньги играли в жизни Марии Александровны довольно странную роль. В детстве и отрочестве она просто не замечала их существования – все, что было ей нужно, приходило как бы само собой от родителей. В Тунизии, в севастопольском Морском корпусе, что нашел приют в высеченном в скалах форте Джебель-Кебир, она жила на всем готовом, не видела денег и лишь понаслышке знала об их существовании. В губернаторском дворце Николь ей тоже было не до денег, и там же в конце концов она отказалась от большого состояния, чем сильно обидела свою спасительницу. Первые живые деньги дал на дорогу из Тунизии в Прагу ее крестный отец адмирал Герасимов, а адмирал Беренц подарил массивный платиновый перстень с большим васильково-синим прозрачным сапфиром. В Праге она сдала его в скупку, ей дали денег, и перстень спас ее в первые месяцы пражского выживания. Но ни деньги, которые дал ей крестный, ни деньги, полученные за перстень, не запечатлелись в памяти как деньги. По-настоящему свои первые деньги она получила за работу в посудомойке Пражского университета, где долгими вечерами перемывала горы грязной посуды, где неистребимо пахло прогорклым жиром, закишшими мокрыми тряпками, пропаренной грязью со сложным букетом наипротивнейших запахов. При исключительно тонком природном обонянии Марии ей было очень тяжело в посудомойке, но она выстояла, она продержалась до тех пор, пока не нашла репетиторства, пока не появились хорошенькая Идочка и другие ученики. В посудомойке пальцы ее рук разбухали от горячей воды, и каждая подушечка каждого пальца становилась белой и рыхлой. После того как она отработала в посудомойке первые две недели, ей дали несколько хрустящих новеньких цветных бумажек прямоугольной формы – чешские кроны. Вот эти полученные за противную тяжелую работу бумажки и вошли в ее сознание как деньги. Потом во Франции на заводе «Рено» ей давали другие бумажки, французские. Ей всегда было удивительно, что прямоугольную цветную бумажку можно обменять хоть на ботинки, хоть на колбасу... В банке господина Жака она узнала, что первые бумажные деньги появились в Китае в XI веке и продержались там триста лет. Потом в Китай пришел экономический упадок, как сказали бы сейчас, кризис, бумажные

деньги перекечевали в Европу, и только в последней четверти XVIII века получили хождение в России. Все это господин Жак рассказывал Марии, когда устроил ей экскурсию в святая святых своего банка – в хранилище. Там Мария в первый и в последний раз в своей жизни увидела такое количество штабелей с пачками бумажных денег, что они совсем перестали восприниматься ею как деньги, а только как прямоугольные цветные листочки, сбитые в пачки со специфическим запахом типографской краски.

– Если хочешь иметь большие деньги, то лучше всего работать с самими деньгами как с товаром, – сказал ей тогда банкир Жак. – Конечно, деньги надо любить. Я не стал первым банкиром Европы, наверное, потому, что отношусь к ним с юмором, а они не прощают такого отношения к себе. Надо любить именно сами деньги, а не те удовольствия или то имущество, которые можно за них получить. Я в прошлом морской офицер, артиллерист, и это мешает мне беззаветно любить деньги ради денег. Я всегда понимал, что если некое удовольствие от жизни можно купить, например, за сто франков, то удовольствие в два раза большее уже не за двести, а за сто, умноженное на сто, – за десять тысяч; а в три раза большее не за двадцать тысяч, а за десять тысяч, умноженные на десять тысяч, – за сто миллионов, а дальше начинаются такие цифры, покрыть которые нельзя всеми деньгами мира. Так что возможности денег вполне конечны, и потом, кое-что нельзя купить и кое-что нельзя продать. Вы имейте это в виду, Мари, – закончил он иронично и по-отечески ласково прикоснулся теплой сухой ладонью к ее руке.

– Спасибо, мсье Жак, ваши стеллажи с цветными бумажками очень убедительны.

– Но вы уж не говорите о них столь пренебрежительно, – улыбнулся банкир Жак, показывая ровные вставные зубы, – за этими цветными бумажками стоят большие договоренности. Весь мир спасают от хаоса договоренности, они как корсет, и бумажные деньги играют в этом корсете не последнюю роль. И еще очень важна охранная функция денег. Если у вас одна комната золота, а у меня полторы, то появляется соблазн вас съесть. И вы стремитесь к тому, чтобы у вас тоже было полторы. Ничто так не умиротворяет, как равенство сил. Военные и политики называют это паритетом.

Если бы не школа банкира Жака, то вряд ли и сейчас Мария управляла бы деньгами с тем умением, с каким она ими управляла. Конечно, наследство Николь и Шарля было велико, но и без него она осталась бы на плаву. В годы войны ее состояние выросло многократно как в Северной Африке, так и во Франции. В том числе она успела купить за бесценок много недвижимости, стоимость которой сейчас, после войны, растет не по дням, а по часам. Видит бог, она много помогала людям, но делала это скрытно, как и подобает настоящим благотворителям. Только-только заканчивали университеты ее «солдатики» из тех, что она вывезла из Франции в Тунизию, а потом переправила в Америку или в Канаду, как, например, Толика Макитру.

Что ни говори, а деньги позволяют многое. С деньгами многое проще. Вот, например, ту же Аннет она взяла и выдернула из, казалось, навек проложенной для нее железнодорожной колеи. Выдернула, ну и что? А квартиру-то Аннет не захотела... С достоинством девочка, а на вид такая простенькая. Дай Бог, чтобы она стала врачом. А если бы родился ребенок... Мария Александровна прервала свои размышления, трижды суеверно постучав по спинке деревянной кровати, на которой она лежала у себя в спальне. Дальнейший ход ее размышлений о значении денег мог быть только один: если родится ребенок, тогда все,житое ею, получит новый смысл...

Только в начале шестидесятых годов XX века в Париже появилась известная теперь во всем мире сеть итальянских магазинов «Пренеталь» (перед рождением). А в те времена, когда игрушками, куклами, сосками и прочими товарами, сопутствующими появлению младенцев, вдруг горячо заинтересовалась Мария Александровна, все детское снаряжение, как

правило, можно было купить в отделах галантереи больших магазинов или в мелких лавочках, торговавших всякой всячиной.

К Новому, 1949 году Мария Александровна сшила себе в дорогом ателье несколько просторных платьев. Еще она купила несколько пар мягких туфель на низком каблуке. Однажды ясным днем в ее авто чуть не врезался встречный автомобиль. Мария Александровна перестала садиться за руль и везде ходила пешком. Теперь, на радость Фунтику, они подолгу гуляли в саду Тюильри, созерцали его красоту и, с не меньшим удовольствием, любовались няньками, катавшими малышей богатых родителей в нарядных разноцветных колясках. Ей тоже страсть как хотелось купить коляску, но она знала, что есть вещи, которые нельзя делать преждевременно, – примета плохая. На покупку коляски Мария Александровна не решилась, но от того, чтобы зайти в магазин поглазеть на кукол и мягкие игрушки, никак не могла удержаться. Когда она разглядывала кукол, плюшевых зайцев, кошечек, собачек, ее прямо-таки пробирала сладкая дрожь.

– Ты аж светишься вся, Маня! – заметила как-то тетя Нюся на чистом русском языке, и в ее голосе и в улыбке было столько материнской радости, что Мария невольно обняла тетю Нюсю и тихонько поплакала у нее на плече.

На следующий день она решилась, наконец, пойти к доктору. Мария считала, что срок уже достаточный и тянуть дальше не имеет смысла.

– Я с тобой пойду, – решительно объявила тетя Нюся.

– Зачем?

– Надо. Тебе жалко?

– Да нет, иди ради бога, – благодарно улыбнулась Мария.

– На машине, чи пешие? – спросила тетя Нюся.

– На машине, – решила Мария, – ты умеешь водить мою машину?

– А то! – удивилась тетя Нюся, – я ж иногда ездию заправлять, мыть.

– Тогда держи, – Мария взяла из вазы, стоявшей на широком подоконнике в кухне, ключи от автомобиля на брелоке с маленьким одnogорбым серебряным верблюдом. Машины она меняла почти каждый год, а брелок оставался старый, еще довоенный, тунизийский.

На улице было сыро, пасмурно, зябко. Круглым светлым пятном едва угадывалось сквозь пелену облаков солнце.

– Светит, да не греет, – взглянув на небо как-то очень грустно, почти безнадежно сказала сама себе Мария, истосковавшаяся в зимней мгле бесконечно длинных вечеров и ночей. Тетя Нюся сидела в машине и не могла ее слышать, а то бы обязательно дала отпор вдруг накотившей на Марию меланхолии и неуверенности в себе.

Улицы в те времена были почти пустые, и они доехали до места за четверть часа.

– А ты хорошо рулишь, молодец! – похвалила тетю Нюсю Мария, настроение которой резко изменилось к лучшему.

– Твоя школа, – улыбнулась тетя Нюся, – я и Анечку обучу. Сейчас она на занятия ходит, да и темнеет рано, а как день начнет прибавляться, так и обучу.

– Нет, – сказала Мария, – мы отдадим ее в автошколу, не надо мне самоучек.

– Ладно, – согласилась тетя Нюся, выходя из автомобиля.

У самого подъезда клиники Мария вдруг повернула назад.

– Ты шо, Маня? – перехватила ее за рукав дорожного пальто тетя Нюся.

– Не хочу, давай в другой раз, давай домой, – скороговоркой проговорила Мария.

– Не, Маня, пийдымо. Шо таке? Пийдымо, – и тетя Нюся взяла ее за руку и, как маленькую, ввела в здание.

Как это обычно бывает в дорогих клиниках, в помещении было светло, тепло, просторно, чисто. И никаких запахов лекарств. В клинике пахло точно так же, как в спальном вагоне поезда «Марсель – Париж»: немножко чабрецом, чуть-чуть душицей, чуть-чуть

лавандой. Наверняка запахи комбинировал один и тот же парфюмер, очень дорогой и модный. Видимо, этот тонкий смешанный аромат был признан кем-то как бы неотъемлемой частью комфорта высокого уровня. Мария так волновалась, что даже не обратила внимания, что, кроме них с тетей Нюсей, в клинике нет посетителей.

Представительный рослый швейцар средних лет проводил их в гардеробную комнату, помог снять пальто и повесил их на красивые деревянные плечики. Потом к ним подошла седовласая статная распорядительница с очень ухоженным молодым лицом и выслушала просьбу Марии Александровны о консультации у гинеколога.

– Сегодня не приемный день, – начала распорядительница.

– Ладно, в другой раз, – обрадованно прервала ее Мария Александровна.

– Нет-нет, мадам, вы пришли в первый раз, и мы обязательно вас примем, – торопливо проговорила распорядительница. – Вам так повезло – сегодня здесь сам профессор Шмидт. Одну минутку. – Распорядительница прошла в глубину помещения и скрылась за белой дверью какого-то кабинета.

Профессор Шмидт оказался совершенно древним крохотным, худеньким, в роговых очках, занимавших едва ли не половину его сморщенного личика с коричневыми пигментными пятнами на щеках и на лбу, с глянцевито поблескивающей лысиной какой-то удивительной строго квадратной формы, с пучками седых волос, торчащими из крупных ушей, свидетельствующих, как известно, о незаурядности натуры.

Прежде, чем осматривать Марию Александровну, он задал ей несколько вопросов, традиционных в его профессии. Выслушал ее ответы без эмоций, хотя чуть удивился, что беременность первая, но не стал это никак комментировать, а только пожевал тонкими бескровными губами.

Профессор Шмидт говорил по-французски с явным акцентом, судя по его фамилии, немецким. Мария Александровна хотела, было, заговорить с ним по-немецки, но в последний момент передумала. Пойди разбери этих немцев, когда у них столько разнозвучных наречий, когда житель Мюнхена плохо понимает жителя Франкфурта, а тот вообще не понимает жителей Кельна, говорящих на кельше.

– Мадам, давайте возьмем паузу, – сказал профессор после осмотра. – Встретимся через пару недель, тогда я все изложу точно. – Голос Шмидта наполнился уверенной силою, и Мария Александровна вдруг увидела, что за толстыми стеклами очков у него большие карие молодые глаза, в которых светится живой ум. – Вы боитесь рожать?

– Нет, что вы, я мечтаю!

– Да-да-да – это тоже вариант, – как бы отстраненно пробормотал профессор Шмидт и пошел к раковине мыть руки во второй раз.

– Кому мне платить?

– Никому. Первая консультация у меня всегда бесплатно. Жду через две недели. В среду, в два часа дня.

– Ты шо така растеряна? – спросила тетя Нюся, когда они вышли из клиники.

– Не знаю. Ничего не сказал. Сказал прийти через две недели. Как-то странно.

– Нормально, – открыла дверь машины тетя Нюся, – сидай, значить, срок маленький. Надо ждать.

– Подождем, – скованно улыбнулась Мария.

Тетя Нюся вела машину очень плавно, очень аккуратно.

– Вянет лист, проходит лето,
Иней серебрится,
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться, —

вдруг напела вполголоса Мария и потом повторила еще и еще.

– Чиво ты заладила? – удивилась тетя Нюся, когда они подъехали к своему дому.

– Фамилия у профессора Шмидт, вот и привязалась старая песенка.

XI

Комната была маленькая, одиннадцать квадратных метров, но зато своя, хотя и в коммунальной квартире, но зато в самом центре Москвы, в добротном четырехэтажном особняке, построенном в стиле модерн в начале XX века, когда гибель стремительно богатеющей Российской империи, казалось, еще и не маячила на горизонте.

Впервые порог этого дома Александра переступила, держа за руку своего шестилетнего крестного сына Артема. Ванечка-генерал, совсем недавно переехавший в свою комнату из офицерского общежития, пригласил Александру на новоселье, а она взяла с собой маленького Артема как щит от возможных недоразумений. Тогда, в конце лета 1948 года, отношения Ивана и Александры еще носили не вполне определенный характер, хотя, по всем признакам, определяться было самое время. Во всяком случае, красивая генеральша Нина все уши прожужжала Александре по этому поводу, да и ее мать Анна Карповна считала Ивана серьезным претендентом на руку и сердце дочери. Ванечка предполагал отмечать новоселье вдвоем с Александрой, но нашел в себе силы не выказывать разочарования при виде третьего лишнего, тем более такого хорошенького, так приветливо сияющего большущими черными глазами, едва ли не в половину маленького личика.

– А зачем в таком большом доме у тебя такая маленькая комната? – с ходу спросил адмирала мальчик.

– Тебе не нравится? – вопросом на вопрос ответил Иван.

– Да, не нравится. Когда я вырасту большой, я возьму себе весь этот дом, понял?!

– Договорились, бери! – согласился адмирал и пожал маленькую ладошку мальчика.

Иван и Александра весело рассмеялись, а Артем сначала насупился, но потом тоже засмеялся.

Тогда казалось, что этот разговор лишь разрядил натянутую обстановку, а через сорок пять лет выяснилось, что маленькому Артему, как в сказке, приоткрылось на миг будущее. В начале девяностых годов XX века Артем Каренович выкупил особняк и приступил к его реставрации.

С тех пор, как Александра переселилась к Ивану, их отношения теплели с каждым днем. И давность знакомства, и фронтовое братство, и физическая приязнь друг к другу, и присущее обоим натуральное, а не натужное чувство юмора делали их совместную жизнь вполне комфортной.

Да, пока Александра еще не любила Ивана так, как любил ее он, но все шло к тому, что их супружество становилось неминуемым. Иногда Александра даже подумывала, что хорошо бы им обвенчаться. Воображала себя в белой воздушной фате, а Ивана в генеральском мундире. Воображалось все очень здорово, правда, нередко вместо лица Ивана возникало лицо Адама, а генеральский мундир, белые перчатки – все оставалось неизменным. Да, о венчанье она подумывала, но вслух ничего такого не высказывала, так как знала, что в положении Ванечки-генерала венчание в церкви невозможно. В общем, все шло своим ходом, а тут Ашхабад... После Ашхабада их отношения едва не обрушились, но неожиданно выстояли, как счастливый дом после землетрясения. Их общий дом устоял, а трещины были не в счет... И устоял он не в последнюю очередь благодаря ее беременности. Так, еще не родившийся ребенок начинал управлять судьбами взрослых людей. В дальнейшей своей жизни Александра Александровна не раз была свидетельницей похожих ситуаций.

В тот день, когда в Париже Мария впервые посетила профессора Шмидта, в Москве Александра проснулась утром за десять минут до звонка будильника, который поднимал их с Иваном всегда ровно в 6.30 по московскому времени.

Десять минут вроде бы так мало, а Александра успела за эти 600 секунд прочувствовать и пережить так много, что хочешь не хочешь, а задумаешься об относительности всего земного.

Раньше Александра спала у стенки, а Иван с краю их не слишком широкой полутораспальной кровати с никелированными спинками. После того, как Александра окончательно уверилась в своей беременности, по ее просьбе они поменялись местами.

Она проснулась оттого, что ее разбудила дочь. В том, что родится не сын, а дочь, Александра не усомнилась ни разу.

Разве словами выразишь это чувство, когда тебя будит навстречу новому дню еще не родившаяся дочь? Все слова тут какие-то маленькие и тусклые, а душа замирает от невыразимого счастья жить сразу двумя жизнями.

Иван всегда спал очень тихо, его дыхания почти не было слышно, и это нравилось Александре, как и то ровное тепло, которое исходило от его тела. Много лет спустя, но еще глубоко при советской власти, Александра прочитала в потрепанной «Роман-газете»⁷, в повести своего современника: «Семьей всегда было для меня нечто, пронизанное общим теплом».

С Иваном ей, конечно, спокойно, и решение вроде бы принято ею бесповоротно, но через неделю вернется Адам, и что тогда? Как ей работать с ним рядом изо дня в день? Как им работать бок о бок? Они ведь не устоят и снова бросятся в объятия друг друга, как в Ашхабаде. А дочь? Вон толкается... – Александра положила себе на живот обе руки, и толчки прекратились. Нет, это невозможно...

Александра пришла на кафедру за полчаса до урочного времени. Ни Александра Суреновича Папикова, ни его жены Натальи еще не было на работе. Открыв дверь своим ключом и не зажигая света, она прошла в зимнем утреннем сумраке просторного кабинета к столу Папикова, положила заявление об увольнении и убежала на лекции.

– Что это значит? – бесстрастно спросил Папиков свою жену Наталью, прочитав заявление Александры. – Взгляни, – и он протянул ей листок.

– Нормально, – сказала Наталья, пробежав глазами написанное на листке. – Ей сейчас так тяжело...

– Что тут нормально? Ни с того ни с сего?! В чем дело? – приподняв очки на лоб, недоуменно спросил Папиков.

– Саша, ты меня удивляешь, – она ведь беременная.

– Ну и что? Беременная радоваться должна, а не кидать заявления. Мы фронт прошли...

– Саша, при чем здесь фронт? Она сейчас замужем за своим бывшим комбатом, а теперь генералом.

– Ну и что?

– Саша, какие вы странные мужчины... Ребенок от генерала, а тут Адам... чего непонятного?

– А-а, я как-то не сложил, – поморгав усталыми карими глазами, смутился Александр Суренович.

– Ты не сложил, а она сложила. Как ей работать с одним мужем, а жить с другим? Но главное, я думаю, для нее ребенок. Она боится за ребенка. У нее уже был печальный опыт, и

⁷ Популярное в СССР издание, публиковавшее произведения русских и переводных авторов многомиллионными тиражами.

сейчас для нее главное – сохранить ребенка. А если работать с нами и Адамом, то никаких нервов не хватит.

– Х-м-м, разумно. Ладно, дайте мне время, – почесал еще небольшую лысину Папиков, – сообразим, что-нибудь придумаем.

Придумывать не пришлось.

В дверь кабинета робко постучали.

– Входите! – громко крикнула Наталья.

И вошла Ксения Половинкина.

– Вы к кому? – спросила никогда прежде не видевшая Ксению Наталья.

– К Сурену Папиковичу Александру, – прыгающими губами проговорила Ксения и сама первая засмеялась, и на глазах ее выступили слезы.

И Наталья, и Александр Суренович Папиков тоже засмеялись.

– Значит, ко мне, – вставая из-за стола, добродушно проговорил Папиков. – Я Александр Суренович, а ваше имя?

– Ксения.

– Я слушаю вас, Ксения.

– Адам прислал, муж мой Адам Домбровский прислал телеграмму. У него папа умер. И вам прислал, а свой адрес забыл... вот я пришла.

В кургузом коричневом плюшевом пиджаке, в нелепой по январским холодам цветной шифоновой косынке, в юбке от школьной формы, в стоптанных туфлях-лодочках, в светло-коричневых чулках в резинку с бледным, почти детским личиком, Ксения никак не была похожа на жену.

– Сходи в деканат, – попросил Папиков Наталью, – наверняка там телеграмма застряла. – А вы присаживайтесь, пожалуйста, – пододвинул он стул Ксении, а сам сел за свой письменный стол.

– А где Саша? – как бы ища последней защиты, спросила Ксения.

– Саша на лекциях, скоро придет. Сейчас и Наталья вернется, будем чай пить, знакомиться.

– Мне некогда, у меня поезд, – робко сказала Ксения.

– Точно, в деканате лежала, – входя в кабинет, подала Папикову телеграмму его жена.

«Отец умер тчк Болезнью матери задерживаюсь неопределенное время тчк Домбровский».

Когда на кафедру возвратилась с лекций Александра, Ксения и Наталья пили чай, а Папиков говорил по телефону с заместителем министра здравоохранения Иваном Ивановичем, сына которого Александра крестила недавно в Пушкинской купели Елоховского собора, выступив в роли его крестной матери.

– Иван Иванович, ты помнишь моего ассистента по Ашхабаду майора Домбровского? Да-да, того, что был ранен в патруле, которого мы привезли в Москву. Я отпустил его на реабилитацию после ранения. Ну да, ты ведь сам доставал ему путевку в Кисловодск. Да, и прислал телеграмму, что отец умер, а мать тяжело больна, и он задерживается. Ты там сообрази... Длительную командировку? Как моему ассистенту? Годится. Все бумажки я тебе представлю. Спасибо. – Папиков положил трубку.

– Оформим его переводом с правом возвращения в столицу, а там видно будет, – сказал он, обращаясь к Александре и Наталье. – Ну, а пока письма ему передадим с Ксенией, деньжат...

Письмо к Адаму далось Александре легко. Она выразила ему соболезнование по поводу кончины его отца, о себе написала коротко: «У меня все идет своим ходом». А вот как подписаться – долго не могла сообразить. «Вечно твоя Саша»? – Глупо. «Александра Домбровская» – еще глупей. Думала, думала и, наконец, подписала просто: «Александра».

Нелегко ей далась эта подпись, но все-таки она нашла в себе силы ничего не кланчить, ничего не вымогать, ни на что не намекать, а сохранить собственное достоинство. Хотя что там достоинство, что гордыня? Жизнь свою она бы с радостью бросила ему под ноги. Но теперь она не одна: есть Ванечка, и есть в ней еще кое-кто, поважнее Ванечки и, наверное, даже Адама.

XII

Мария и тетя Нюся ни слова не говорили с Аннет по-французски, только по-русски, и она делала удивительные успехи в овладении языком. Видимо, еще с младых ногтей, от папы с мамой, которые общались в семье по-русски, у Аннет остался большой пассивный запас слов. А теперь, в разговорах с Марией и Нюсей, русские слова, как по волшебству, выплывали из памяти одно за другим, а то и выстраивались целыми фразами.

В Аннет было столько энергии, что даже работающая, неутомимая тетя Нюся, и та ей дивилась. Аннет возвращалась из университета с подготовительных курсов в половине третьего, обедала с тетей Нюсей, а иногда и с Марией, выводила на часок погулять Фунтика, который ее обожал, и начинала хлопотать по дому. Она всегда находила что помыть, почистить, протереть. Особенно любила Аннет гладить белье. И тетя Нюся, и Мария делали обычно это без удовольствия и удивлялись Аннет:

– Неужели тебе нравится?

– Еще как!

Раньше полы во всем особняке, и в том числе на их этаже, натирали мастикой два здоровенных дядьки, а теперь Аннет выговорила себе право натирать на их этаже полы сама.

– Они пусть натирают на первом этаже и на втором, а у нас – я сама, в свое удовольствие.

– Попробуй, – с улыбкой согласилась Мария, – если силы девать некуда. – Чужие люди в доме теперь были бы для нее действительно в тягость. В последнее время Мария стала слишком раздражительной. Только Нюся и Аннет не мешали ей, а на остальных глаза бы ее не смотрели. – Попробуй, Анечка. Но ведь нужны мастика, щетка...

– Купим в магазине, – сказала тетя Нюся.

– В магазине, так в магазине, – незлобливо передразнила ее Мария. – Купите.

И они купили.

Нужно сказать, что с появлением в доме Аннет и Марии, и Нюсе жить стало гораздо веселее, чем прежде. От девушки прямо-таки веяло недюжинной жизненной силою и неисчерпаемой ежеминутной доброжелательностью. В каждом слове, в каждом движении, в каждой ужимке ее милого остроногого личика в ореоле рыжих кудряшек, в слегка плутоватом блеске ее серо-зеленых глаз с припухлыми веками сквозили веселье и отвага юного существа, наделенного редким чувством обладания жизнью. Ей нравилось, когда светило солнце, нравилось, когда шел дождь, нравилось, когда ветер гнал по низкому небу мглистые облака, нравились прохожие, нравились дома и улицы, нравилось заниматься на подготовительных курсах в университете. Видя ее веселый нрав, некоторые студенты пытались ухаживать за ней как за легкой добычей. Она с удовольствием хохотала в ответ на их простенькие шутки, а тому, кто пробовал распускать руки, сразу давала по этим рукам ребром ладони, да так больно, что у ухажеров аж искры из глаз сыпались. Ребра ладоней она постоянно была обо что-нибудь твердое, – этому ее когда-то еще отец научил, так что она была вооружена не на шутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.